

Константин Бальмонт

БУДЕМ КАК СОЛНЦЕ

Книга Символов

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце.
Анаксагор

ЧЕТВЕРОГЛАСИЕ СТИХИЙ

* * *

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море,
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

* * *

Будем как Солнце! Забудем о том,
Кто нас ведет по пути золотому,
Будем лишь помнить, что вечно к иному,
К новому, к сильному, к доброму, к злему
Ярко стремимся мы в сне золотом.
Будем молиться всегда неземному
В нашем хотенье земном!

Будем, как Солнце всегда молодое,
Нежно ласкать огневые цветы,
Воздух прозрачный и все золотое.
Счастлив ты? Будь же счастливее вдвое.
Будь воплощеньем внезапной мечты!
Только не медлить в недвижимом покое,
Дальше, еще, до заветной черты,
Дальше, нас манит число роковое
В Вечность, где новые вспыхнут цветы.
Будем как Солнце, оно – молодое.
В этом завет Красоты!

ВОЗДУШНЫЙ ХРАМ

Высоко над землею, вечерней и пленной,
Облака затаили огни.
Сколько образов, скованных жизнью мгновенной,
Пред очами проводят они.

Кто-то светлый там молится, молит кого-то,
Преклоняется, падает ниц.
И горящих небесных икон позолота
Оттеняет видения лиц.

Это храм, из воздушности светом сплетенный,
В нем кадиланицы молча горят.
И стоят богомольцы толпой преклоненной,
Вырастает их призрачный ряд.

И одни возникают, другие уходят,
Прошептавши молитву свою.
И ушедшие – в мире, незримые, бродят,
Созидавая покров бытию.

Из воздушного храма уносят далеко
Золотую возможность дождей,
Безотчетную веру живого потока,
И молитвенность кротких страстей.

А горячее Солнце, воззвавши их к жизни,

Наклонилось к последней черте,
И уходит к своей запредельной отчизне,
В беспредельной своей красоте.

И блаженному сладко отдавшись бессилью,
Засмотрелось, как вечер красив,
И как будто обрызгало светлою пылью
Желтизну созревающих нив.

ГОЛОС ЗАКАТА

1

Вот и Солнце, удаляясь на покой,
Опускается за сонною рекой,
И последний блеск по воздуху разлит,
Золотой пожар за липами горит.

А развесистые липы, все в цвету,
Затаили многоцветную мечту.
Льют пленительно медвяный аромат,
Этой пряностью приветствуют закат.

Золотой пожар за тканями ветвей
Изменяется в нарядности своей.
Он горит как пламя новых пышных чар,
Лиловато-желто-розовый пожар.

2

Я – отошедший день, каких немного было
На памяти твоей, мечтающий мой брат.
Я предвечернее светило,
Победно-огненный закат.

Все краски, сколько их сокрыто в силе света,
Я в мысль одну вложил, которая горит,
В огонь рубиновый одета
И в нежно-дымный хризолит.

Многоразличные созвучия сиянья
По небу разбросав, я все их слил в одно:
В восторг предсмертного сознания,
Что мне блаженство суждено.

Так пышно я горю, так радостно-тревожно,
В воздушных облаках так пламенно сквозя,
Что быть прекрасней – невозможно,

И быть блаженнее – нельзя.

Гляди же на меня, о, дух мечты печальной,
Мечтатели земли, глядите на меня:
Я блеск бездонности зеркальной
Роскошно гаснущего дня.

Любите ваши сны безмерною любовью,
О, дайте вспыхнуть им, а не бессильно тлеть,
Сознав, что теплой алой кровью
Вам нужно их запечатлеть.

РАССВЕТ

Зеленая поляна,
Деревья, облака.
Под дымкою тумана
Безгласная река.

Медлительно растущий
Сомнительный рассвет.
Молчанье мысли, ждущей,
Возникнет ли ответ.

Безмолвные вопросы
Влюбленных в Солнце трав.
Когда зажгутся росы,
Бессмертье увидав?

Бессмертное Светило,
Надежда всех миров,
Изжито все, что было,
Разбиты ковы снов.

Бессмертное Влиянье
Немеркнувшего Дня!
Яви свое сиянье,
Пересоздай меня!

ГИМН ОГНЮ

1

Огонь очистительный,
Огонь роковой,
Красивый, властительный,

Блестящий, живой!

2

Бесшумный в мерцанье церковной свечи,
Многошумный в пожаре,
Глухой для мольбы, многоликий,
Многоцветный при гибели зданий,
Проворный, веселый, и страстный,
Так победно-прекрасный,
Что когда он сжигает мое,
Не могу я не видеть его красоты, –
О, красивый Огонь, я тебе посвятил все мечты!

3

Ты меняешься вечно,
Ты повсюду – другой.
Ты красный и дымный
В клокотанье костра.
Ты как страшный цветок с лепестками из пламени,
Ты как вставшие дыбом блестящие волосы.
Ты трепещешь, как желтое пламя свечи
С его голубым основанием.
Ты являешься в быстром сиянье зарниц.
Ты, застывши, горишь в грозовых облаках,
Фиолетовых, аспидно-синих.
Ты среди шума громов и напева дождей
Возникаешь неверностью молний,
То изломом сверкнешь,
То сплошной полосой,
То как шар, окруженный сияющим воздухом,
Золотой, огневой,
С переменными красными пятнами.
Ты в хрустальности звезд, и в порыве комет.
Ты от Солнца идешь и, как солнечный свет,
Согревательно входишь в растения,
И будя, и меняя в них тайную влагу,
То засветишься алой гвоздикой,
То зашепчешь как колос пушистый,
То протянешься пьяной лозой.
Ты как искра встаешь
Из глухой темноты,
Долго ждешь, стережешь.
Кто пришел? Это ты!
Через миг ты умрешь,
Но пока ты живешь,
Нет сильней, нет странней, нет светлей красоты!

Не устану тебя восхвалять,
 О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
 На тебе расплавляют металлы.
 Близь тебя создают и куют,
 Много тяжких подков,
 Много кос легкозвонных,
 Чтоб косить, чтоб косить,
 Много колец для пальцев лилейных,
 Много колец, чтоб жизни сковать,
 Чтобы в них, как в цепях, годы долгие быть,
 И устами остывшими слово «любить»
 Повторять.
 Много можешь ты странных вещей создавать,
 Полносложность орудий, чтоб горы дробить,
 Чтобы ценное золото в безднах добыть,
 И отточенный нож, чтоб убить!

Вездесущий Огонь, я тебе посвятил все мечты.
 Я такой же, как ты.
 О, ты светишь, ты греешь, ты жжешь,
 Ты живешь, ты живешь!
 В старину ты, как Змей, прилетал без конца,
 И невест похищал от венца.
 И как огненный гость много раз, в старину,
 Ты утешил чужую жену.
 О, блестящий, о, жгучий, о, яростный!
 В ярком пламени несколько разных слоев.
 Ты горишь как багряный, как темный, как желтый,
 Весь согретый изменчивым золотом, праздник осенних листов.
 Ты блестящий как двенадцатицветный алмаз,
 Как кошачья ласкательность женских влюбляющих глаз,
 Как восторг изумрудной волны Океана,
 В тот миг как она преломляется,
 Как весенний листок, на котором росинка дрожит и качается,
 Как дрожанье зеленой мечты светляков,
 Как мерцанье бродячих огней,
 Как зажженные светом вечерним края облаков,
 Распростерших свой траур над ликом сожженных и гаснущих дней!

Я помню, Огонь,
 Как сжигал ты меня,
 Меж колдуний и ведьм, трепетавших от ласки Огня.
 Нас терзали за то, что мы видели тайное,
 Сожигали за радость полночного шабаша,

Но увидевшим то, что мы видели,
Был не страшен Огонь.
Я помню еще,
О, я помню другое, горящие здания,
Где сжигали себя добровольно, среди тьмы,
Меж неверных, невидящих, верные, мы.
И при звуках молитв, с исступленными воплями,
Мы слагали хваленья Даятелю сил.
Я помню, Огонь, я тебя полюбил!

7

Я знаю, Огонь,
И еще есть иное сиянье для вас,
Что горит перед взором навеки потухнувших глаз.
В нем внезапное знание, в нем ужас, восторг
Пред безмерностью новых глубоких пространств.
Для чего, из чего, кто их взял, кто исторг,
Кто облек их в лучи многозвездных убранств?
Я уйду за ответом!
О, душа восходящей стихии, стремящейся в твердь,
Я хочу, чтобы белым немеркнущим светом
Засветилась мне – Смерть!

НОВОЛУНИЕ

Серп Луны молодой,
Вместе с пышной звездой,
В голубой вышине,
Ярко видится мне.

Серп Луны молодой,
Над застывшей водой,
На уснувшей волне,
Станным кажется мне.

Серп Луны молодой,
С лучезарной звездой,
В голубой тишине,
Сказкой чудится мне.

ЛУННОЕ БЕЗМОЛВИЕ

В лесу безмолвие возникло от Луны,
Но внятно чудится дрожание струны,

И свет властительный нисходит с вышины.

Какая сонная над лесом красота,
Как четко видится мельчайшая черта,
Как стынет скованно вон та сосна и та.

Воздушно-белые недвижны облака,
Зеркально-царственна холодная река,
И даль небесная во влаге глубока.

Непрерываемо дрожание струны,
Ненарушаема воздушность тишины,
Неисчерпаемо влияние Луны.

ВЛИЯНИЕ ЛУНЫ

Я шел безбрежными пустынями,
И видел бледную Луну,
Она плыла морями синими,
И опускалася ко дну.

И не ко дну, а к безымерности,
За кругозорностью земной,
Где нет измен и нет неверности,
Где все объято тишиной.

Там нет ветров свиреподышащих,
Там нет ни друга, ни врага,
Там нет морей, себя не слышащих
И звонко бьющих в берега.

Там все застывшее, бесстрастное,
Хотя внушающее страсть, –
Затем что это царство ясное
Свою нам передало часть.

В нас от него встают желания, –
Как эхо, грянувшее вдруг,
Встает из сонного молчания,
Когда уж умер самый звук.

И бродим, бродим мы пустынями,
Средь лунатического сна,
Когда бездонностями синими
Над нами властвует Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
Перед царицей тишины,
И в сны свои светло влюбляемся

По мановению Луны.

ВОСХВАЛЕНИЕ ЛУНЫ

Псалом

1

Восхвалим, братья, царствие Луны,
Ее лучом ниспосланные сны,
Владычество великой тишины.
Восславим, сестры, бледную Луну,
Лучистую полюбим глубину,
И тайну снов, ее, ее одну.

2

Мне страшно, страшно: как сумею
Царицу сердца восхвалить?
Как раб влюбленный, я пред нею
Блаженно гасну, цепенею,
И мысли лучшие не смею
Соткать в серебряную нить.

Да не сочтет за дерзновенье
Царица пышная, Луна,
Что, веря в яркое мгновенье,
В безумном сне самозабвенья,
Поет ей раб свое хваленье,
И да звенит его струна.

О, души бледные, внимлите,
Я стройный гимн пою Луне,
Со мной душой своей сплетите
Непогасающие нити,
Мечты влюбленные храните,
Любовь любите в сладком сне.

3

Наша царица вечно меняется,
Будем слагать переменные строки,
Славя ее.
Дух мой дрожащий любит, склоняется,
В лунном сиянье – мы грезы, намеки,
Счастье мое.

Наша царица, бледная, ясная,
Светит сияньем зеленых очей.
Как же люблю я тебя, о, прекрасная,
Вечно-нежданная, стройная, властная,
В самом бесстрастии пламенно-страстная,
Тайну познавшая лунных лучей.

Как это чувство, как называется?
Только тебя я везде замечаю,
Только одну.
Это лишь чувство не забывается,
Взорами взоры твои я встречаю,
Славя Луну.

Наша царица, бледная, снежная,
Гаснет, как ты, озаряется вновь.
Как называется боль безнадежная,
Сладкая пытка, мучительность нежная,
Трепетность зыбкая, радость безбрежная?
Милая! Милая! Это любовь!

4

Луна велит слагать ей восхваленья,
Быть нежными, когда мы влюблены,
Любить, желать, ласкать до исступленья,
Итак – восхвалим царствие Луны.

Она глядит из светлой глубины,
Из ласковой прохлады отдаленья,
Она велит любить нам зыбь волны,
И даже смерть, и даже преступленья.

Ее лучи как змеи к нам скользят,
Объятием своим завладевают,
В них вкрадчивый неуловимый яд.

От них безумным делается взгляд,
Они, блестя, все мысли убивают,
И нам о бесконечном говорят.

5

Она меняется опять,
И нам так сладко повторять
Созвучно-стройные напевы.
Она возникла над водой,
Как призрак сказки золотой,
Как бледный лик неверной девы.

Она опальная мечта,
Она печальна и чиста,
Она один намек на нежность.
Но вот сейчас, но вот сейчас
Огнем своих зеленых глаз
Она разрушит безмятежность.

Она холодный свет прольет,
И волю чарами убьет,
Она сибилла и колдунья.
В душе разъялась глубина,
Душе судьба ее видна
В очарованье новолунья.

6

О, вновь родясь, она пьянит сердца,
Внушая мысль, что жизнь – одна влюбленность.
Когда же мы достигнем до конца,
Погаснув, мы находим обновленность.

Ущербная, устав лучом пленять,
Она наводит ужас на поэта,
И, сглазив душу, ей дает понять,
Что можно все, что нет ни в чем запрета.

Когда же закруглится по краям,
Она горит как чаша золотая,
В которой боги пить дают богам,
Там, где любовь бессмертно-молодая.

Еще, и вот – она, как рдяный щит,
Как полнота пылающего шара,
К болотам, к топям, вниз, спешит, спешит,
Горит за лесом заревом пожара.

Волнует жаб, меняет вид живых,
Их делает похожими на мертвых,
И в омутах двоятся роковых,
В затонах, западнями распростертых.

Пугает беспредельной тишиной,
Вздымает безграничность океанов, –
И вновь горит блистательной Луной,
В одежде из серебряных туманов.

7

Итак, попавши в плен земной,
Возлюбим, братья, мир иной,

Следя за царственной – Луной.

Внемлите вкрадчивой струне,
И присягните молча мне
В повиновении – Луне.

Восславим, сестры, глубину,
Любовь к любви, любовь-волну,
Восхвалим ласки и – Луну.

Она одна, она одна
Для всех влюбленных нам дана,
Непобедимая – Луна!

ВЛАГА

С лодки скользнуло весло.
Ласково млеет прохлада.
«Милый! Мой милый!» – Светло,
Сладко от беглого взгляда.

Лебедь уплыл в полумглу,
Вдаль, под Луною белея.
Ластятся волны к веслу,
Ластится к влаге лилея.

Слухом невольно ловлю
Лепет зеркального лона.
«Милый! Мой милый! Люблю!» –
Полночь глядит с небосклона.

ВОЗЗВАНЬЕ К ОКЕАНУ

Океан, мой древний прародитель,
Ты хранишь тысячелетний сон.
Светлый сумрак, жизнедатель, мститель,
Водный, вглубь ушедший, небосклон!

Зеркало предвечных начинаний,
Видевшее первую зарю,
Знающее больше наших знаний,
Я с тобой, с бессмертным, говорю!

Ты никем не скованная цельность.
Мир земли для сердца мертв и пуст, –
Ты же вечно дышишь в беспредельность

Тысячами юно-жадных уст!

Тихий, бурный, нежный, стройно-важный,
Ты как жизнь: и правда, и обман.
Дай мне быть твоей пылинкой влажной,
Каплей в вечном.. Вечность! Океан!

БЕЛЫЙ ПОЖАР

Hier stehe ich inmitten des
Brandes der Brandung.
Nietzsche

Я здесь стою
в пожаре прибоя.
Ницше

Я стою на побережье, в пожаре прибоя,
И волна, проблистав белизной в вышине,
Точно конь, распаленный от бега и боя,
В напряженье предсмертном домчалась ко мне.

И за нею другие, как белые кони,
Разметав свои гривы, несутся, бегут,
Замирают от ужаса дикой погони,
И себя торопливостью жадною жгут.

Опрокинулись, вспыхнули, вправо и влево, –
И, пред смертью вздохнув и блеснувши полней,
На песке умирают в дрожании гнева
Языки обессиленных белых огней.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ

Мы унижаемся и спорим
С своею собственной душой.
И на год надышался Морем,
И на год я для всех чужой.

Своих я бросил в чуждых странах,
Ушел туда, где гул волны,
Тонул в серебряных туманах,
И видел царственные сны.

В прозрачном взоре отражая
Всю безграничность бледных вод,

Моя душа, для всех чужая,
Непостижимостью живет.

Поняв подвижность легкой пены,
Я создаю дрожащий стих,
И так люблю свои измены,
Как неизменность всех своих.

Недели странствий миновали,
Я к ним вернусь для тишины,
Для нерассказанной печали,
И для сверкания струны.

В тот час, когда погаснет Солнце,
Она забьется, запоет,
Светлее звонкого червонца,
И полнозвучней синих вод.

ЛЬДИНЫ

На льдине холодной
Плыву я один.
Угрюмый, свободный,
Средь царственных льдин.

И ветер чуть дышит,
Как смолкнувший зов.
Но сердце не слышит
Родных голосов.

Но сердце не хочет
Отраду найти.
И ветер пророчит
О вечном пути.

Плывут властелины
Угрюмых глубин,
Свободные льдины,
Я в море – один.

Любил я когда-то,
Но смех и печаль
Ушли без возврата
В туманную даль.

Далеко, далеко
Создания сна.
Как мертвое око,
Мне светит Луна.

Над водной равниной
Лишь ветер один.
Да льдина за льдиной
Встает из-за льдин.

СОН

Я спал. Я был свободен.
Мой дух соткал мне сон.
Он с жизнью был несходен,
Но с жизнью сопряжен.

В нем странны были светы,
В нем было все – Луной.
Знакомые предметы
Манили новизной.

Так лунно было, лунно,
В моем застывшем сне,
И что-то многострунно
Звучало в вышине.

Небьющиеся воды
Мерцали не спеша.
В бескровности Природы
Везде была – душа.

И в воздухе застыли,
Захвачены Луной,
Виденья давней были,
Знакомые со мной.

Обрывы и уклоны,
И облаки, и сны.
Но снова пели звоны
С воздушной вышины.

И мир был беспределен,
Пронзенный блеском льдин.
Я был свободен, целен.
Я спал. Я был один.

С МОРСКОГО ДНА

На темном влажном дне морском,
Где царство бледных дев,
Неясно носится кругом
Безжизненный напев.
В нем нет дрожания страстей,
Ни стога прошлых лет.
Здесь нет цветов и нет людей,
Воспоминаний нет.
На этом темном влажном дне
Нет волн и нет лучей.
И песня дев звучит во сне,
И тот напев ничей.
Ничей, ничей, и вместе всех,
Они во всем равны,
Один у них беззвучный смех
И безразличны сны.
На тихом дне, среди камней,
И влажно-светлых рыб,
Никто, в мельканье ровных дней,
Из бледных не погиб.
У всех прозрачный взор красив,
Поют они меж трав,
Души страданьем не купив,
Души не потеряв.
Меж трав прозрачных и прямых,
Бескровных, как они,
Тот звук поет о снах немых:
«Усни – усни – усни».
Тот звук поет: «Прекрасно дно
Бесстрастной глубины.
Прекрасно то, что все равно,
Что здесь мы все равны».

2

Но тихо, так тихо, меж дев, задремавших вокруг,
Послышался новый, дотоле неведомый, звук.
И нежно, так нежно, как вздох неподводной травы,
Шепнул он: «Я с вами, но я не такая, как вы.
О, бледные сестры, простите, что я не молчу,
Но я не такая, и я не такого хочу.
Я так же воздушна, я дева морской глубины,
Но странное чувство мои затуманило сны.
Я между прекрасных прекрасна, стройна, и бледна.
Но хочется знать мне, одна ли нам правда дана.
Мы дышим во влаге, среди самоцветных камней.
Но что, если в мире и любят и дышат полней!
Но что, если, выйдя до волн, где бегут корабли,
Увижу я дали, и жгучее Солнце вдали!»
И точно понявши, что понятным быть не должно,

Все девы умолкли, и стало в их сердце темно.
И вдруг побледневши, исчезли, дрожа и скользя,
Как будто услышав, что слышать им было нельзя.

3

А та, которая осталась,
Бледна и холодна?
Ей стало страшно, сердце сжалось,
Она была одна?
Она любила хороводы,
Меж искристых камней,
Она любила эти воды,
В мельканье ровных дней.
Она любила этих бледных
Исчезнувших сестер,
Мечту их сказок заповедных,
И призрачный их взор.
Куда она идет отсюда?
Быть может, там темно?
Быть может, нет прекрасней чуда,
Как это – это дно?
И как пробиться ей, воздушной,
Сквозь безразличность вод?
Но мысль ее, как друг послушный,
Уже зовет, зовет.

4

Ей вдруг припомнилось так ясно,
Что место есть, где зыбко дно.
Там все так странно, страшно, красно,
И всем там быть запрещено.
Там есть заветная пещера,
И кто-то чудный там живет.
Колдун? Колдунья? Зверь? Химера?
Владыка жизни? Гений вод?
Она не знала, но хотела
На запрещенье посягнуть.
И вот у тайного предела
Она уж молит: «Где мой путь?»
Из этой мглы, так странно-красной
В безлично-бледной глубине,
Раздался чей-то голос властный:
«Теперь и ты пришла ко мне!
Их было много, пожелавших
Покинуть царство глубины,
И в неизвестном мире ставших, –
Чем все, кто в мире, стать должны.
Сюда оттуда нет возврата,

Вернуться может только труп,
Чтоб рассказать свое «Когда-то» –
Усмешкой горькой мертвых губ.
И что в том мире неизвестном,
Мне рассказать тебе нельзя.
Но чрез меня, путем чудесным,
Тебя ведет твоя стезя».
И вот колдун, или колдунья,
Вещает деве глубины:
«Сегодня в мире новолуние,
Сегодня царствие Луны.
Есть в Море скрытые течения,
И ты войдешь в одно из них,
Твое свершится назначенье,
Ты прочь уйдешь от вод морских.
Ты минешь море глубокое,
В моря зеленые войдешь,
И в море алое, живое,
И в вольном воздухе вздохнешь.
Но, прежде чем в безвестность глянешь,
Ты будешь в образе другом.
Не бледной девой ты предстанешь,
А торжествующим цветком.
И нежно женственной богиней.
С душою, полной глубины,
Простишься с водною пустыней,
Достигнув уровня волны.
И после таинств лунной ночи,
На этой вкрадчивой волне,
Ты широко раскроешь очи,
Увидев Солнце в вышине!»

5

Прекрасны воздушные ночи,
Для тех, кто любил и погас,
Кто знал, что короче, короче
Единственный сказочный час.
Прекрасно влияние чуть зримой,
Едва нарожденной Луны,
Для женских сердец ощутимой
Сильней, чем пышнейшие сны.
Но то, что всего полновластней,
Во мгле торжества своего, –
Цветок нераскрытый, – прекрасней,
Он лучше, нежнее всего.
Да будет бессмертно отныне
Безумство души неземной,
Явившейся в водной пустыне,
С едва нарожденной Луной.
Она выплывала к течению

Той вкрадчивой зыбкой волны,
Незримому веря влечению,
В безвестные веруя сны.
И ночи себя предавая,
Расцветший цветок на волне,
Она засветилась, живая,
Она возродилась в двойне.
И утро на небо вступило,
Ей было так странно-тепло,
И Солнце ее ослепило,
И Солнце ей очи сожгло.

6

И целый день, бурунами носима
По плоскости стекла,
Она была меж волн как призрак дыма,
Бездушна и бела.
По плоскости, изломанной волненьем,
Носилась без конца.
И не следил никто за измененьем
Страдавшего лица.
Не видел ни один, что там живая
Как мертвая была, —
И как она тонула, выплывая,
И как она плыла.
А к вечеру, когда в холодной дали
Сверкнули маяки,
Ее совсем случайно подобрали,
Всю в пене, рыбаки.
Был мертвен свет в глазах ее застывших,
Но сердце билось в ней.
Был долог гул приливов, отступивших
С береговых камней.

7

Весной, в новолунье, в прозрачный тот час,
Что двойственно вечен и нов,
И сладко волнует и радует нас,
Колеблясь на грани миров,
Я вздрогнул от взора двух призрачных глаз,
В одном из больших городов.
Глаза отражали застывшие сны,
Под тенью безжизненных век,
В них не было чар уходящей весны,
Огней убегающих рек,
Глаза были полны морской глубины,
И были слепыми навек.
У темного дома стояла она,

Виденье тяжелых потерь,
И я из высокого видел окна,
Как замкнута черная дверь,
Пред бледною девой с глубокого дна,
Что нищею ходит теперь.
В том сумрачном доме, большой вышины,
Балладу о Море я пел,
О деве, которую мучили сны,
Что есть неподводный предел,
Что, может быть, в мире две правды даны
Для душ и для жаждущих тел.
И с болью я медлил и ждал у окна,
И явственно слышал в окно
Два слова, что молвила дева со дна,
Мне вам передать их дано:
«Я видела Солнце», – сказала она, –
«Что после, – не все ли равно!»

ДОЖДЬ

В углу шуршали мыши,
Весь дом застыл во сне.
Шел дождь, и капли с крыши
Стекали по стене.

Шел дождь, ленивый, вялый,
И маятник стучал.
И я душой усталой
Себя не различал.

Я слился с этой сонной
Тяжелой тишиной.
Забытый, обделенный,
Я весь был тьмой ночной.

А бодрый, как могильщик,
Во мне тревожа мрак,
В стене жучок-точильщик
Твердил: «Тик-так. Тик-так».

Равняя звуки точкам,
Началу всех начал,
Он тонким молоточком
Стучал, стучал, стучал.

И атомы напева,
Сплетаясь в тишине,
Спокойно и без гнева
«Умри» твердили мне.

И мертвый, бездыханный,
Как труп задурых свеч,
Я слушал в скорби странной
Вещательную речь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мне.
И капли с темной крыши
Стекали по стене.

ПРЕРЫВИСТЫЙ ШЕЛЕСТ

Есть другие планеты, где ветры певучие тише,
Где небо бледнее, травы тоньше и выше,
Где прерывисто льются
Переменные свету,

Но своей переменою только ласкают, смеются.
Есть иные планеты,
Где мы были когда-то,
Где мы будем потом,

Не теперь, а когда, потеряв –
Себя потеряв без возврата,
Мы будем любить истомленные стебли седых шелестящих трав,
Без аромата,

Тонких, высоких, как звезды – печальных,
Любящих сонный покой – мест погребальных,
Над нашей могилою спящих,
И тихо, так тихо, так сумрачно-тихо, под Луной шелестящих.

БЕЗВЕТРИЕ

Я чувствую какие-то прозрачные пространства,
Далеко в беспредельности, свободной от всего;
В них нет ни нашей радуги, ни звездного убранства,
В них все хрустально-призрачно, воздушно и мертво.

Безмерными провалами небесного Эфира
Они как бы оплотами от нас ограждены,
И, в центре мироздания, они всегда вне мира,
Светлей снегов нетающих нагорной вышины.

Нежней, чех ночью лунною дрожанье паутины,

Нежней, чем отражения перистых облаков,
Чем в замысле художника рождение картины,
Чем даль навек утраченных родимых берегов.

И только те, что в сумраке скитания земного
Об этих странах помнили, всегда лишь их любя,
Оттуда в мир пришедшие, туда вернутся снова,
Чтоб в царствии Безветрия навек забыть себя.

СНЕЖИНКИ

Если, рея, пропадая,
Цепеня, и блистая,
Вьются хлопья снежные, –
Если сонно, отдаленно,
То с упреком, то влюбленно,
Звуки плачут нежные, –

Если рдеют, и блистают,
И рдеют, упадают
Листья полумертвые, –
В сердце – нежно, безнадежно,
И горят в нем так безбрежно
Дали распростертые.

Сердце хочет, упрекает,
И пророчит, отвергает
Грани дум изведанных, –
Просит странных, безымянных,
В красоте своей нежданных,
Светов заповеданных.

Но блаженство только в вечном,
Совершенство в безупречном,
Смерть не пропасть черная.
Вечно, всюду, только чуду
Я душой молиться буду, –
Есть нерукотворное!

О, мгновенье умиранья,
Упоенье и прощанье,
В море неизбежности!
Мы страдаем, пропадаем,
Но себя мы побеждаем
Нашим сном Безбрежности!

К ВЕТРУ

Что мне осталось, кроме глубокой,
Кроме бездонной печали?
Ветер, о, Ветер, как я, одинокий,
Все мы с тобою встречали.

Что полюбить мне, кроме безбрежной,
Вглубь ускользящей дали?
Ветер, о, Ветер, как я, безнадежный,
Быстро мы все увидали.

Что же мы ищем в безднах неверных,
Те же в конце, как в начале?
Все мы постигли в пространствах безмерных,
Только себя не узнали.

ВЕТЕР ГОР И МОРЕЙ

Ветер, вечный мой брат,
Ветер гор и морей,
Что такое есть в песне протяжной твоей,
Что волнует меня, как найденный клад.
И со мной говорит в полумраке ночей,
И меня увлекает куда-то назад,
К освежительным снам, –
И как дух я иду по прозрачным волнам,
Надо мной в высоте сочетанья планет,
И созвучной мечте окончания нет,
Всюду сон, всюду свет,
Всюду звон мировой,
Глубина хороша красотой неживой,
Там как будто бы льды из хрустальной воды,
И чтоб тихо гореть, им не нужно звезды, –
И горят предо мной
Высота с глубиной,
В глубине высоты
Свет иной красоты,
И горит между двух
Мой блуждающий дух,
Много дышит лучей,
Много видит мой взгляд,
И незримый летит над дорогой моей,
То шепнет впереди, то умчится назад,
Ветер, вечный мой брат,
Ветер гор и морей.

ВЕТЕР

Ветер, Ветер, Ветер, Ветер,
Что ты в ветках все шумишь?
Вольный Ветер, Ветер, Ветер,
Пред тобой дрожит камыш.
Ветер, Ветер, Ветер, Ветер,
Что ты душу мне томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
И спешишь скорей заснуть.
Чуть уснул, и, пробужденный,
Ты готов опять вспорхнуть.
Стой! Куда, неугомонный?
Вечно – прямо, снова – в путь.

Все места тебе знакомы,
Ты воздушно шелестишь,
Рябьюходишь в водоемы,
Шаткой травкою блестишь.
Носишь тучи, манишь громы,
И опять уходишь в тишь.

О, неверный! Ветер, Ветер,
Ты не помнишь ничего.
Дай и мне забвенья, Ветер,
Дай стремленья твоего.
Ветер, Ветер, Ветер, Ветер,
Ты прекраснее всего!

ЗАВЕТ БЫТИЯ

Я спросил у свободного Ветра,
Что мне сделать, чтоб быть молодым.
Мне ответил играющий Ветер:
«Будь воздушным, как ветер, как дым!»

Я спросил у могучего Моря,
В чем великий завет бытия.
Мне ответило звучное Море:
«Будь всегда полнозвучным, как я!»

Я спросил у высокого Солнца,
Как мне вспыхнуть светлее зари.
Ничего не ответило Солнце,
Но душа услышала: «Гори!»

ВСКРЫТИЕ ЛЬДА

Как льдины, взгроможденные
Одна на другую,
Весной освобожденные, –
Я звонко ликую.

И как вода, запевшая
За льдиною плотной,
Дрожит душа, вскипевшая
В тоске безотчетной.

В тоске от нетерпения
Я жду поцелуя.
Скорей, скорее – пеня,
Блаженствуй, ликуя.

И плотные и тонкие,
Расторгнуты льдины.
Звучите, песни звонкие,
Сверкайте картины!

Живут освобожденные
Создания мысли.
Их радуги сплетенные
Как ткани повисли.

Весь мир – одно сверкание
Улыбки свободной,
Блаженство набегания
Волны полноводной.

Один поток разливистый,
Под дымкою тонкой,
Напев мечты, прерывистый,
Неверный, но звонкий.

СЕВЕР

Как пленительна весна
Там где снег – не сновиденье,
Где полгода – тишина,
Перед счастьем возрожденья.

Там душа, волнуясь, ждет:
Что ж, сегодня торжествуем?
Что ж, река разрушит лед

Бурным влажным поцелуем?

Там весна – как смерть врага,
Все вдвойне от Солнца пьяны.
Вас приветствую, снега,
Вас, бессмертные туманы!

ИСПАНСКИЙ ЦВЕТОК

Я вижу Толедо,
Я вижу Мадрид.
О, белая Леда! Твой блеск и победа
Различным сияньем горит.

Крылатым и смелым
Был тот, кто влюблен.
И, белый на белом, ликующим телом,
Он бросил в столетья свой сон.

Иные есть птицы,
Иные есть сны,
Я вижу бойницы, в них гордость орлицы,
В них пышность седой старины.

Застыли громады
Оконченных снов.
И сумрачно рады руины Гранады
Губительной силе веков.

Здесь дерзость желанья
Не гаснет ни в чем.
Везде изваянья былого влиянья,
Крещенья огнем и мечом.

О, строгие лики
Умевших любить!
Вы смутно-велики, красивы и дики,
Вы поняли слово – убить.

Я вас не забуду,
Я с вами везде.
Жестокому чуду я верным пребуду,
Я предан Испанской звезде!

ТОЛЕДО

Город-крепость на горе,
Город-храм,
Где молились торжествующим богам, –
Я тебя хотел бы видеть на заре!

В час, когда поет свирель,
И зовет, –
В час, когда, как будто, ласковый апрель
Дышит в зеркале дремотствующих вод.

В дни, когда ты был одним
Из живых,
И разбрасывал кругом огонь и дым,
Вместе с криками призывов боевых.

Город зримый в высоте,
Между скал,
Безупречный в завершенной красоте,
Ты явил свой гордый лик – и задремал.

Ты, сказав свое, затих,
Навсегда, –
Но поют в тебе отшедшие года,
Ты – иссеченный на камне мощный стих.

PASEO DE LAS DELICIAS В СЕВИЛЬЕ

Лиловые гроздья роскошных глициний,
И пальмы с их правильной четкостью линий,
И желто-оранжевый дремлющий хмель, –
Как красочно ласков испанский апрель!

А девственно-бледные дикие розы,
А желтые шапочки нежной мимозы,
А тень кипарисов, их темные сны, –
Как сказочны лики испанской весны!

И сад многоцветный, расцветший так пышно,
Гармонией красок поет нам неслышно
О стройном согласье своей тишины,
О блеске цветочном испанской весны!

К ЦАРИЦЕ ФЕЙ

О, царица светлых фей,
Ты летаешь без усилий

Над кустами орхидей,
Над цветами белых лилий!

Пролетаешь над водой, –
Распускаются купавы,
И росой, как звездой,
Блещут ласковые травы.

Ты везде роняешь след,
И следы твои блистают,
И тюльпан, и златоцвет
За тобою расцветают.

Пролети в душе людской,
О, властительная фея.
Пусть гвоздика и левкой
В ней вздыхают пламенея.

О, царица светлых фей,
Мы – невольники усилий,
Мы не видим орхидей,
Мы не знаем белых лилий.

К ЮНОМУ СХИМНИКУ

Схимник юный, узник бледный,
Почему, за мглой страстей,
Мир печали заповедной
Ты отторгнул от людей?

По своей ли ты охоте,
Иль веленьем вражьих сил,
Умерщвление грешной плоти
Выше счастья полюбил?

Кто, властительный и смелый,
Так жестоко восхотел,
Чтоб, навеки онемелый,
Перешел ты за предел?

За предел миров, где струны
Так узывчиво звенят,
И смеются: «Схимник юный!»
«Ты невольник!» – говорят.

«Ты невольник, и жестоки
Испытания твои.
Мы свободны, мы глубоки,
Как потоки и ручьи.

И в жестокости мы кротки,
И расстались мы с тоской,
И меняемся, как четки –
Но под смелую рукой!»

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ СТРАДАНИЕ

«Не лучше ли страдание,
Глухое, одинокое,
Как бездны мироздания,
Непонято-глубокое?

Не лучше ли мучение,
Чем ясный звонкий смех?
Полюбим отречение,
Разлюбим сладкий грех».

– О, нет, мой брат единственный,
Душа моя смущается,
В ней вечен клич воинственный,
Ей много обещается.

Весь мир им обещается,
Когда его хотим,
И всякий грех прощается,
Когда простим другим.

СУМЕРКИ

Мерцают сумерки в лимонных
И апельсиновых садах,
И слышен лепет в листьях сонных,
И дремлет ветер на цветах.

Тот легкий ветер, что приносит
Благословение небес
И тайно души наши просит
Поверить мудрости чудес.

Чудес ниспосланных неожиданно
Для исцеления души,
Которой всюду, беспрестанно,
Был только слышен крик: «Спешите».

Для исцеления утомленных,

Нашедших чары новых снов,
Под тенью ласковой – лимонных
И апельсиновых садов.

УСПОКОЕНИЕ

Вечернее тихое море
Сливалось воздушною дымкой
С грядкою слегка-лиловатых
Охваченных сном облаков,
И в этом безмерном просторе
Дышали почти невидимкой,
Как дышат мечты в ароматах,
Бесплотные образы снов.
Они возникали как краски,
Как чувства, зажженные взором,
Как сладкий восторг аромата,
Как блеск и прозрачность воды,
Как светлые вымыслы сказки,
Как тучи, что встали дозором,
Чтоб вспыхнуть на миг без возврата,
Пред ликом вечерней звезды.

СКАЗАТЬ МГНОВЕНЬЮ: СТОЙ!

Быть может, вся Природа – мозаика цветов?
Быть может, вся Природа – различность голосов?
Быть может, вся Природа – лишь числа и черты?
Быть может, вся Природа – желанье красоты?

У мысли нет орудья измерить глубину.
Нет сил, чтобы замедлить бегущую весну.
Лишь есть одна возможность сказать мгновенью «Стой».
Разбив оковы мысли, быть скованным – мечтой.

Тогда нам вдруг понятна стозвучность голосов,
Мы видим все богатство и музыку цветов,
А если и мечтою не смерить глубину, –
Мечтою в самых безднах мы создаем весну.

ВЕРБЫ

Вербы овеяны

Ветром нагретым,
Нежно взлелеяны
Утренним светом.

Ветви пасхальные,
Нежно-печальные,
Смотрят веселыми,
Шепчутся с пчелами.

Кладбище мирное
Млеет цветами,
Пение клирное
Льется волнами.

Светло-печальные,
Песни пасхальные,
Сердцем взлелеяны,
Вечным овеяны.

ЦВЕТОК

Я цветок, и счастье аромата,
Мне самой Судьбою суждено,
От восхода Солнца до заката
Мне дышать, любить и жить дано.

А с закатом, в пышной чаше сада,
Где я сказкой нежною цвету,
Задрожит высокая ограда,
И умолкнет ветер налету.

Женщина воздушная, вся в белом,
Медленно сквозь главный вход войдет,
И движеньем ласковым, но смелым,
Стебель мой цветущий оборвет.

От восхода Солнца до заката
Измененья тени и лучей.
И растет дыханье аромата..
До заката буду я – ничей!

ЗМЕИНЫЙ ГЛАЗ

ПРАЗДНИК СВОБОДЫ

Я спал как воды моря,
Как сумрак заключенья,
Я спал как мертвый камень,
И странно жил во сне, –

С своей душой не споря,
Свое ожесточенье
Любя, как любит пламень
Таиться в тишине.

Скрываться бесконечно,
Мгновения и годы,
В земле, в деревьях, в зданьях,
И вдруг, в свой лучший миг, –

Так быстро и беспечно,
На празднике свободы,
Возникнут в трепетаньях,
Как молния, как крик.

Я спал как зимний холод,
Змеиным сном, злорадным,
И вот мне все подвластно,
Как светлому царю, –

О, как я нов и молод,
В своем стремленье жадном,
Как пламенно и страстно
Живу, дышу, горю!

* * *

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.

Я – внезапный взлом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.

Переплеск многопенный, разорванно-слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переключки лесные зеленого мая,
Все пойму, все возьму, у других отнимая.

Вечно-юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

* * *

Если в душу я взгляну,
В ней увижу я волну,
Многopенную,

Неба нежную эмаль,
Убегающую даль,
И безбрежность, и печаль,
Неизменную.

Если в душу я взгляну,
Сам себя я обману
Скрытой мукою,

И заплачет звонкий стих,
Запоет о снах моих,
И себя я силой их
Забаяюкаю.

МОИ ПЕСНОПЕНЬЯ

В моих песнопеньях журчанье ключей,
Что звучат все звончей и звончей.
В них женственно-страстные шепоты струй,
И девический в них поцелуй.

В моих песнопеньях застывшие льды,
Беспредельность хрустальной воды.
В них белая пышность пушистых снегов,
Золотые края облаков.

Я звучные песни не сам создавал,
Мне забросил их горный обвал.
И ветер влюбленный, дрожа по струне,
Трепетания передал мне.

Воздушные песни с мерцаньем страстей
Я подслушал у звонких дождей.
Узорно-играющий тающий свет
Подглядел в сочетаньях планет.

И я в человеческом – нечеловек,
Я захвачен разливами рек.
И, в Море стремя полногласность свою,
Я стозвучные песни пою.

СЛОВА-ХАМЕЛЕОНЫ

Слова-хамелеоны,
Они живут спеша.
У них свои законы,
Особая душа.

Они спешат меняться,
Являя все цвета,
Поблекнут, обновятся,
И в этом их красота.

Все радужные краски,
Все, что чарует взгляд,
Желая вечной сказки,
Они в себе таят.

И сказка длится, длится,
И нарушает плен.
Как сладко измениться,
Живите для измен!

* * *

Все равно мне, человек плох или хорош,
Все равно мне, говорить правду или ложь.

Только б вольно он всегда да сказал на да,
Только б он, как вольный свет, нет сказал на нет.

Если в небе свет погас, значит – поздний час,
Значит – в первый мы с тобой и в последний раз.

Если в небе света нет, значит, умер свет,
Значит – ночь бежит, бежит, заматая след.

Если ключ поет всегда: «Да, – да, да, – да, да», –
Значит, в нем молчанья нет – больше никогда.

Но опять зажжется свет в бездне новых туч,

И, быть может, замолчит на мгновенье ключ.

Красен солнцем вольный мир, черной тьмой хорош.
Я не знаю, день и ночь – правда или ложь.

Будем солнцем, будем тьмой, бурей и судьбой,
Будем счастливы с тобой в бездне голубой.

Если ж в сердце свет погас, значит, поздний час.
Значит – в первый мы с тобой и в последний раз.

* * *

Что достойно, что бесчестно,
Что умам людским известно,
Что идет из рода в род,
Все, чему в цепях не тесно,
Смертью тусклою умрет.
Мне людское незнакомо,
Мне понятней голос грома,
Мне понятней звуки волн,
Одинокий темный челн,
И далекий парус белый,
Над равниной поседелой,
Над пустыней мертвых вод,
Мне понятен гордый, смелый,
Безотчетный крик: «Вперед!»

* * *

Жить среди беззакония,
Как дыханье ветров,
То в волнах благовония,
То над крышкой гробов.

Быть свободным, несвязанным,
Как движенье мечты,
Никогда не рассказанным
До последней черты.

Что бесчестное? Честное?
Что горит? Что темно?
Я иду в неизвестное,
И душе все равно.

Знаю, мелкие низости

Не удержат меня.
Нет в них чаянья близости
Рокового огня.

Но люблю безотчетное,
И восторг, и позор,
И пространство болотное,
И возвышенность гор.

ВОЛЯ

Валерию Брюсову

Неужели же я буду так зависеть от людей,
Что не весь отдамся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мне велело в неизвестное идти?

Нет, не буду, нет, не буду я обманывать звезду,
Чей огонь мне ярко светит, и к которой я иду.

Вышим знаком я отмечен, и, не помня никого,
Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Если Море повстречаю, в глубине я утону,
Видя воздух полный света и прозрачную волну.

Если горные вершины развернутся предо мной,
В снежном царстве я застыну под серебряной Луной.

Если к пропасти приду я, заглядевшись на звезду,
Буду падать, не жалея, что на камни упаду.

Но повсюду вечно чуду буду верить я мечтой,
Буду вольным и красивым, буду сказкой золотой.

Если ж кто-нибудь захочет изменить мою судьбу,
Он в раю со мною будет – или в замкнутом гробу.

Для себя ища свободы, я ее другому дам,
Или вместе будет тесно, слишком тесно будет нам.

Так и знайте, понимайте звонкий голос этих струн:
Влага может быть прозрачной – и возникнуть как бурун.

Солнце ландыши ласкает, их сплетает в хоровод,
А захочет – и зардеет – и пожар в степи зажжет.

Но согрею ль я другого, или я его убью,
Неизменной сохраню я душу вольную мою.

* * *

Мне снятся караваны,
Моря и небосвод,
Подводные вулканы
С игрой горячих вод.

Воздушные пространства,
Где не было людей,
Игра непостоянства
На пиршестве страстей.

Чудовищная тина
Среди болотной тьмы,
Могильная лавина
Губительной чумы.

Мне снится, что змеится
И что бежит в простор,
Что хочет измениться –
Всему наперекор.

* * *

Я полюбил свое беспутство,
Мне сладко падать с высоты.
В глухих провалах безрассудства
Живут безумные цветы.

Я видел стройные светила,
Я был во власти всех планет.
Но сладко мне забыть, что было,
И крикнуть их призывам: «Нет!»

Исполнен радости и страха,
Я оборвался с высоты,
Как коршун падает с размаха,
Чтоб довершить свои мечты.

И я в огромности бездонной,
И убегает глубина.
Я так сильнее – исступленный,
Мне Вечность в пропасти видна!

ГЛАЗА

Когда я к другому в упор подхожу,
Я знаю: нам общее нечто дано.
И я напряженно и зорко гляжу
Туда, на глубокое дно.

И вижу я иного задавленных слов,
Убийств, совершенных в зловещей тиши.
Обрывов, провалов, огня, облаков,
Безумства несытой души.

Я вижу, я помню, я тайно дрожу.
Я знаю, откуда приходит гроза.
И если другому в глаза я гляжу,
Он вдруг закрывает глаза.

СКВОЗЬ СТРОЙ

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы кричали: «Удвой, и утрой,
В десять раз, во сто раз горячей.
Пусть узнает удар палачей».

Вы меня прогоняли сквозь строй,
Вы стояли зловещей горой,
И горячею кровью облит,
Я еще, и еще, был избит.

Но, идя как игрушка меж вас,
Я горел, я сгорал, и не гас.
И сознанием был каждый смущен,
Что я кровью своей освящен.

И сильней, все сильней каждый раз,
Вы пугались блистающих глаз.
И вы дрогнули все предо мной,
Увидав, что меж вас – я иной.

В ЗАСТЕНКЕ

Переломаны кости мои.

Я в застенке. Но чу! В забыты,
Слышу, где-то стремятся ручьи.

Так созвучно, созвонно, в простор,
Убегают с покатостей гор,
Чтоб низлиться в безгласность озер.

Я в застенке. И пытка долга,
Но мечта мне моя дорога.
В палаче я не вижу врага.

Он ужасен, он странен, как сон,
Он упорством моим потрясен.
Я ли мученик? Может быть, он?

Переломаны кости. Хрустят.
Но горит напряженный мой взгляд.
О, ручьи говорят, говорят!

В ДОМАХ

М. Горькому

В мучительно-тесных громадах домов
Живут некрасивые бледные люди,
Окованы памятью выцветших слов,
Забывши о творческом чуде.

Все скучно в их жизни. Полюбят кого,
Сейчас же наложат тяжелые цепи.
«Ну, что же, ты счастлив?» – «Да что ж... Ничего... »
О, да, ничего нет нелепей!

И чахнут, замкнувшись в гробницах своих.
А где-то по воздуху носятся птицы.
Что птицы? Мудрей привидений людских
Жуки, пауки и мокрицы.

Все цельно в просторах безлюдных пустынь,
Желанье свободно уходит к желанью.
Там нет заподозренных чувством святынь,
Там нет пригвождений к преданью.

Свобода, свобода! Кто понял тебя,
Тот знает, как вольны разливные реки.
И если лавина несется губя,
Лавина прекрасна навеки.

Кто близок был к смерти и видел ее,

Тот знает, что жизнь глубока и прекрасна.
О, люди, я вслушался в сердце свое,
И знаю, что ваше – несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
Но вот предо мною захлопнулись двери,
И в клеточках гномы застыли опять,
Лепечут: «Мы люди, не звери».

Я проклял вас, люди. Живите впотьмах.
Тоскуйте в размеренной чинной боязни.
Бледнейте в мучительных ваших домах.
Вы к казни идете от казни!

МСТИТЕЛЬ

Если б вы молились на меня,
Я стоял бы ангелом пред вами,
О приходе радостного дня
Говорил бы лучшими словами.

Был бы вам как радостный восход,
Был бы вам как свежесть аромата,
Сделал бы вам легким переход
К грусти полумертвого заката.

Я бы пел вам сладостно звеня,
Я б не ненавидел вас, как трупы,
Если б вы молились на меня,
Если бы вы не были так скупы.

А теперь, угрюмый и больной,
А теперь, как темный дух, гонимый,
Буду мстить вам с меткостью стальной,
Буду бич ваш, бич неумолимый.

СОПЕРНИКИ

Мы можем идти по широким равнинам,
Идти, не встречаясь в пути никогда.
И каждый пребудет, один, властелином, –
Пока не взойдет роковая звезда.

Мы можем бросать беспокойные тени.
Их месяц вытягивать будет в длину.
В одном восхожденье мы будем ступени.

И равны, – пока не полюбим одну.

Тогда мы солжем, но себе не поможем,
Тогда мы забудем о Боге своем.
Мы можем, мы можем, мы многое можем.
Но только – мой равный! – пока мы вдвоем.

ЛОМАННЫЕ ЛИНИИ

Ломаные линии, острые углы.
Да, мы здесь – мы прячемся в дымном царстве мглы.

Мы еще покажемся из угрюмых нор,
Мы еще нарядимся в праздничный убор.

Глянем и захватим вас, вбросим в наши сны.
Мы еще покажем вам свежесть новизны.

Подождите, старые, знавшие всегда
Только два качания, только нет и да.

Будет откровенно, вспыхнет царство мглы.
Утро дышит пурпуром... Чу! кричат орлы!

НАШИМ ВРАГАМ

Вы томительные,
Усыпительные,
Ничего вам не дано,
Даром канете на дно

Богом кинутые,
И отринутые,
Не согреты вы ничем,
И живете низачем.

Не постигнувшие,
И не двигнувшие
Ничего и никогда,
Вы погибли навсегда

Вы распавшиеся,
Неудавшиеся,
У дорожного столба
Невзошедшие хлеба.

ГАРМОНИЯ СЛОВ

Почему в языке отошедших людей
Были громы певучих страстей?
И намеки на звон всех времен и пиров.
И гармония красочных слов?

Почему в языке современных людей
Стук сыпаемых в яму костей?
Подражательность слов, точно эхо молвы,
Точно ропот болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скал возникала вода,
Не боялась она прорываться вперед,
Если станешь пред ней, так убьет.

И убьет, и зальет, и прозрачно бежит,
Только волей своей дорожит.
Так рождается звон для грядущих времен,
Для теперешних бледных племен.

ДРУГУ

Милый друг, почему бесконечная боль
Затаилась в душе огорченной твоей?
Быть счастливым себя хоть на миг приневольт,
Будь как царь водяной, и как горный король,
Будь со мною в дрожанье бессвязных ветвей.

Посмотри, как воздушно сиянье Луны,
Как проходит она – не дыша, не спеша.
Все виденья в застывшей тиши сплетены,
Всюду свет и восторг, всюду сон, всюду сны.
О, земля хороша, хороша, хороша!

* * *

Если грустно тебе,
Ты не думай, мой друг.
Весь очерчен в Судьбе
Твой назначенный круг.

Разве думает лес?
Разве плачет о чем?
Он живет для чудес,
Озаренный лучом.

Разве нежный цветок
Будет думать весной?
Верь напевности строк,
Будь без думы со мной.

* * *

Ты мне говоришь, что как женщина я,
Что я рассуждать не умею,
Что я ускользаю, что я как змея, —
Ну что же, я спорить не смею.

Люблю по-мужски я всем телом мужским,
Но женское сердцу желанно,
И вот отчего, рассуждая с другим,
Я так выражаюсь туманно.

Я женщин как высшую тайну люблю,
А женщины любят скрываться,
И вот почему я не мог, не терплю
В заветных глубинах признаться.

Но весь я прекрасен, дышу, и дрожу,
Мне жаль, что тебя я печалю.
Приблизься, тебе я всю правду скажу, —
А может быть, только ужалю.

* * *

Мы брошены в сказочный мир
Какой-то могучей рукой.
На тризну? На битву? На пир?
Не знаю, я вечно — другой.

Я каждой минутой — сожжен.
Я в каждой измене — живу.
Не праздно я здесь воплощен.
И ярко я сплю — наяву.

И знаю, и помню, с тоской,
Что вниз я сейчас упаду.

Но, брошенный меткой рукой,
Я цель – без ошибки найду.

АККОРДЫ

В красоте музыкальности,
Как в недвижимой зеркальности,
Я нашел очертания снов,
До меня не рассказанных,
Тосковавших и связанных,
Как растенья под глыбою льдов.

Я им дал наслаждение,
Красоту их рождения,
Я разрушил звенящие льды.
И, как гимны неслышные,
Дышат лотосы пышные
Над пространством зеркальной воды.

И в немой музыкальности,
В этой новой зеркальности,
Создает их живой хоровод
Новый мир, недосказанный,
Но с рассказанным связанный
В глубине отражающих вод.

SIN MIEDO

Если ты поэт и хочешь быть могучим,
Хочешь быть бессмертным в памяти людей,
Порази их в сердце вымыслом певучим,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видал кинжалы древнего Толедо?
Лучших не увидишь, где бы ни искал.
На клинке узорном надпись: «Sin miedo», –
Будь всегда бесстрашным, – властен их закал.

Раскаленной стали форму придавая,
В сталь кладут по черни золотой узор,
И века сверкает красота живая
Двух металлов слитых, разных с давних пор.

Чтоб твои мечты вовек не отблестали,
Чтоб твоя душа всегда была жива,
Разбросай в напевах золото по стали,

Влей огонь застывший в звонкие слова.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

ТРИЛИСТНИК

Дагни Кристенсен

1. ИЗ РОДА КОРОЛЕЙ

Да, тебя я знаю, знаю. Ты из рода королей.
Ты из расы гордых скальдов древней родины твоей.

Ты не чувствуешь, не знаешь многих звуков, многих слов,
Оттого что в них не слышно дуновения веков.

Ты не видишь и не знаешь многих красок и картин,
Оттого что в них не светит мощь родных морских глубин.

Но едва перед тобою молвишь беглый вещий звук,
Тотчас мы с тобою вместе, мы в один замкнуты круг.

И когда во взоре можешь силу Моря отразить,
Между мною и тобою тотчас ласковая нить.

Нить призванья, ожиданья, бесконечности мечты,
Долгих песен без названья, откровений красоты.

Между мною и тобою веет возглас «Навсегда».
«Ты забудешь?» – «Невозможно». – «Ты ко мне вернешься?» – «Да».

Да, тебя я знаю, счастье. Ты – рожденная волной.
Вот, я связан царским словом. Помни. Помни! Будь со мной!

2. В МОЕМ САДУ

В моем саду мерцают розы белые,
Мерцают розы белые и красные,
В моей душе дрожат мечты несмелые,
Стыдливые, но страстные.

Тебя я видел только раз, любимая,
Но только раз мечта с мечтой встречается,
В моей душе любовь непобедимая
Горит и не кончается.

Лицо твое я вижу побледневшее,
Волну волос, как пряди снов согласные.
В глазах твоих признание потемневшее.
И губы, губы красные.

С тобой познал я только раз, любимая,
То яркое, что счастьем называется,
О, тень моя, бесплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь – пьяна, как гроздь спелые,
В моей душе – звучат призывы страстные,
В моем саду – сверкают розы белые
И ярко, ярко-красные.

3. СОЛНЦЕ УДАЛИЛОСЬ

Солнце удалилось. Я опять один.
Солнце удалилось от земных долин.
Снежные вершины свет его хранят.
Солнце посылает свой последний взгляд.

Воздух цепенеет, властно скован мглой.
Кто-то, наклоняясь, дышит над землей.
Тайно стынут волны меркнувших морей.
– Уходи от ночи, уходи скорей. –

– Где ж твой тихий угол? – Нет его нигде.
Он лишь там, где взор твой устремлен к звезде.
Он лишь там, где светит луч твоей мечты.
Только там, где Солнце. Только там, где ты.

* * *

Нет дня, чтоб я не думал о тебе,
Нет часа, чтоб тебя я не желал.
Проклятие невидящей Судьбе,
Мудрец сказал, что мир постыдно мал.

Постыдно мал и тесен для мечты,
И все же ты далеко от меня.
О, боль моя! Желанна мне лишь ты,
Я жажду новой боли и огня!

Люблю тебя капризною мечтой,
Люблю тебя всей силою души,
Люблю тебя всей кровью молодой,

Люблю тебя, люблю тебя, спеши!

* * *

Я заснул на распутье глухом.
В высоте, на небесные кручи,
Поднимались тяжелые тучи.
Это было не ночью, а днем.

Я лежал на избитом пути,
На краю много знавшей дороги.
Здесь и люди и звери и боги
Проходили, чтоб что-то найти.

Я дремал как живой, но мертвец,
Как умерший, но чающий жизни.
И, отдавшись душой укоризне,
Задремал я как труп наконец.

И тогда мне явилась она,
Та, кого я и прежде, неясно,
Так любил, безнадежно, безгласно,
Как любить нам велела – Луна.

Надо мною бесплотная тень,
Наклоня воздушное тело,
Ближе быть, дальше быть, не хотела.
И погас утомительный день.

Все смешалось в сомкнувшейся мгле.
Я мечтал – да, как все – о святыне.
И как труп я покоюсь донныне
На избитой шагами земле.

* * *

Мы прячем, душим тонкой сетью лжи
Свою любовь.
Мы шепчем: «Да? Ты мой? – Моя? – Скажи! –
– Скорей! Одежды брачные готовы!»

Но я люблю, как любит петь ручей,
Как светит луч.
Последний я, иль первый, меж лучей,
Навек, на миг, – мне все равно, – я жгуч.

Но я люблю, как любит льнуть к волне
Воздушность ив.
Мне все равно, что скрыто там на дне, —
Я в зеркале поверхности красив.

Поверхность отражает выси гор,
Измены дня.
Мой милый друг, лелей в себе мой взор,
Как тень, как сон, люби, люби меня!

ТОНЧАЙШИЕ КРАСКИ

Тончайшие краски
Не в ярких созвучьях,
А в еле заметных
Дрожаниях струн, —
В них зримы сиянья
Планет запредельных,
Непознанных светов,
Невидимых лун.

И если в минуты
Глубокого чувства
Мы смотрим безгласно
И любим без слов,
Мы видим, мы слышим,
Как светят нам солнца,
Как дышат нам блески
Нездешних миров.

НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ

Мы говорим на разных языках.
Я свет весны, а ты усталый холод.
Я златоцвет, который вечно молод,
А ты песок на мертвых берегах.

Прекрасна даль вскипающего моря,
Его простор играющий широк.
Но берег мертв. Измыт волной песок.
Свистит, хрустит, с гремучей влагой споря.

А я живу. Как в сказочных веках,
Воздушный сад исполнен аромата.
Поет пчела. Моя душа богата.
Мы говорим на разных языках.

ПОЗДНО

Было поздно в наших думах.
Пела полночь с дальних башен.
Темный сон домов угрюмых
Был таинственен и страшен.

Было тягостно-обидно.
Даль небес была беззвездна.
Было слишком очевидно,
Что любить, любить нам – поздно.

Мы не поняли начала
Наших снов и песнопений.
И созвучье отзвучало
Без блаженных исступлений.

И на улицах угрюмых
Было скучно и морозно.
Било полночь в наших думах.
Было поздно, поздно, поздно.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ

Сонет

В те дни, когда везде был Млечный Путь,
Я полюбил несдержанность мечтанья,
И верю, звездный хаос мирозданья
В моих словах блеснет когда-нибудь.

Теперь! Сейчас! Вольнее дышит грудь.
Я полон сладкой дрожью ожиданья,
Они встают, забытые преданья,
Погасшие, хотят опять блеснуть.

Я вижу первозданную планету,
Воздушную, как остров голубой,
Там в первый раз я счастлив был с тобой.

В начальной тьме оставил я приметку,
Сказав тебе: «Прощай, когда-нибудь
Мы вновь с тобой полюбим – Млечный Путь».

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Она так шумно-весела,
И так светла, –
Как между скал певучий ключ.
Как яркий луч.

В ней все любовь, в ней все мечта.
И красота,
Как все в лесу, в лучах весны,
Любовь и сны.

Зачем же радостный расцвет
Веселых лет, –
Как летний блеск сменен зимой, –
Окончен тьмой?

Теперь навек с одним она,
Прошла весна.
Как дым вокруг пурпура огней,
Он всюду с ней.

Цветок роскошный отблестал,
И мертвый стал.
И как в гербарии он сжег,
Бесцветен взгляд.

В ней ключ застывший усыплен,
В ней смутный сон,
Как тусклый мертвенный налет
Стоячих вод.

СОЕДИНЕННЫЕ

Сожженный край томительной равнины,
На ней забытый раненый солдат.
Вдали синеют горы-исполины.
– «Ты не придешь, ты не придешь назад!»

Там, где-то, край обиженный и бедный.
В глухой избе, за пряжей, у окна,
Какая-то одна, с улыбкой бледной,
Вдали от мужа – мужняя жена.

Меняет Солнце область созерцанья,
Роняет тень одним и жжет других.
Все ближе ночь. Все тише восклицанья.

В такую ночь пришел он как жених.

Равнины спят. Пред счастьем пробужденья
Меняет Солнце пышный свой наряд.
К одной стране восходят все виденья.
– Да, он придет, придет к тебе назад!

ПРИДОРОЖНЫЕ ТРАВЫ

Спите, полумертвые увядшие цветы,
Так и не узнавшие расцвета красоты,
Близь путей заезженных возвращенные Творцом,
Смятые невидевшим тяжелым колесом.

В час, когда все празднуют рождение весны,
В час, когда сбываются несбыточные сны,
Всем дано безумствовать, лишь вам одним нельзя,
Возле вас раскинулась заклятая стезя.

Вот, полуизломаны, лежите вы в пыли,
Вы, что в небо дальше светло глядеть могли,
Вы, что встретить счастье могли бы, как и все,
В женственной, в нетронутой, в девической красе.

Спите же, взглянувшие на страшный пыльный путь,
Вашим равным – царствовать, а вам – навек уснуть,
Богом обделенные на празднике мечты,
Спите, не выдавшие расцвета красоты.

ВЛЮБЛЕННЫЕ

Jeg gaar fra den ene til den
andre Blomst, de er berusede...
К. Гамсун. Пан

Я хожу от цветка к цветку,
они словно пьяные...
К. Гамсун. Пан

Храня влюбленную истому,
Я цепенею и гляжу.
От одного цветка к другому
В саду перехожу.

Воздушно ландыши белеют,
В себя влюбляется нарцисс,

И гроздь красных лилий млеют,
Раскрылись и зажглись.

И счастью преданы немому
Уста раскрывшихся цветов,
От одного цветка к другому
Струят блаженство снов.

Я вижу, как они меняют
Свой легкий праздничный наряд,
Друг друга пылью соблазняют,
Влюбляют и пьянят.

Душистой пылью опьяненный,
Цветок целуется с цветком.
А я, безумный, я влюбленный,
С блаженством незнаком.

Но я храню свою истому,
Тобой живу, тобой дрожу.
И от цветка иду к другому,
Всем – сердце расскажу.

* * *

Я знаю людей с голубыми глазами,
Я знаю, что принято думать о них.
Но это молчание Неба над нами
Не есть ли горящий безмолвием стих?

Не стих, а поэма, о том, что лазурность
Все видит, все знает, всегда глубина,
И молча твердит нам: «Безбурность. Безбурность.
Я лучше, чем буря. Я счастье сна».

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШЬ

Темнеет вечер голубой,
Мерцают розовые тени.
Мой друг, скорей, войдем с тобой
На те заветные ступени.

Над нами будет желтый крест.
Цветные окна церкви темной.
Зажжется небо, и окрест
Повсюду будет блеск заемный.

Багряно-огненный закат
Во мгле осветит лица наши.
С могил к нам розы обратят
Свои раскрывшиеся чаши.

Для нас надгробные кресты,
В лучах последнего сиянья,
Воспримут чары красоты,
Как знак немого обещастья.

И все тона, и все цвета,
Какие только в небе слиты,
Как в рай забытые врата,
Нам будут в этот миг открыты.

И смолкнут наши голоса,
И мы, друг в друге пропадая,
Погаснем, как в цветке роса,
Как в тучке искра золотая.

ВОЛНЫ

Волна бежит. Волна с волною слита.
Волна с волною слита в одной мечте.
Прильнув к скалам, они гремят сердито.
Они гремят сердито: «Не те! Не те!»

И в горьком сне волна волне шепнула.
Волна волне шепнула: «В тебе – мечта».
И плещут вновь: «Меня ты обманула!»
Меня ты обманула. И ты – не та!»

НАРЦИСС И ЭХО

Aire y flor...
Calderon

Воздух и цветок...
Кальдерон

Цветок, и воздух, смущенный эхом,
То полный плачем, то полный смехом.
Цветок нарцисса, и звук заветный,
Ответом вставший, но безответный.

Над глубиою водной, мертво-зеркальной,
Бесплодно стынет цветок печальный.
Своим обманут прекрасным ликом,
Не внемля внешним мольбам и крикам.

А звук заветный, хотя и внешний,
Навек пронизан тоской нездешней,
Ревнует, молит, грозит, пророчит,
И вот рыдает, и вот хохочет.

Но нет слиянья для двух прекрасных.
Мы розно стынем в терзаньях страстных.
И гаснут звуки, и ясны воды
В бездушном царстве глухой Природы.

МУДРОСТЬ СЕРДЦА

Ты видал ли, как вздыхает вешний ветер меж цветов,
Их целует, и качает, ими прят и сладко-нов.

Ты видал ли, как лелеют волны лотос голубой,
Как они цветок ласкают, окружив его собой.

Ты видал ли, как воздушно светит в сумерках звезда,
Как пред нею, вместе с нею, дышит вечером вода.

В этом мудрость, в этом счастье – увлекаясь, увлекать,
Зажигать и в то же время самому светло сверкать.

Увлекая, увлекаться – мудрость сердца моего,
Этим я могу достигнуть – слишком многого – всего!

УТРЕННИЙ ЦВЕТОК

Я нашел в лесу цветок,
Он такой был легкий, нежный,
И рукой моей небрежной
Сломан тонкий стебелек.

Много я сорвал цветов,
И ликующих и бледных,
В этих чащах заповедных.
Далеко от городов.

Но упрямая душа
Говорит, что лишь вначале,

В утро, чуждое печали,
Радость счастья хороша.

И воздушный тот цветок
Я во всех своих скитаньях,
В наслажденьях, и в страданиях,
Позабить никак не мог.

* * *

Я не знаю, как же быть?
Продолжать или забыть?
Через улицу, давно,
Из окна смотрю в окно.

И давно ко мне преник,
Сквозь окно, далекий лик.
За воздушною средой,
Манит, нежный, молодой.

Этот лик глядит давно
Сквозь прозрачное окно.
Ближе быть нельзя никак:
Будет как-то все не так.

Нет, не так слились бы мы
В сладкой связи близкой тьмы,
Как мы слиты силой снов,
Без любви, и без оков.

Я не знаю, как же быть?
Как любить – и не любить?
Дух далекий, дух родной,
Вечно ль будешь ты со мной?

ШИПОВНИК

Шиповник алый,
Шиповник белый.
Один – усталый,
И онемелый,
Другой – влюбленный,
Лениво-страстный,
Душистый, сонный,
И красный, красный.

Едва вздыхая,
И цепеня,
В дыханье мая
Влюбляясь, млея,
Они мечтают
О невозможном,
И доцветают
Во сне тревожном.

И близко, близко
Один к другому,
В корнях, так низко,
Хранят истому,
В листьях, в вершинах,
В цветах, повсюду,
И в снах единых
Открылись чуду.

О, чудо мая
Неотвратимо!
Но время, тая,
Проходит мимо,
Но май устанет,
И онемееет,
И ветер встанет,
Цветы развеет.

Их рок – быть рядом
И жаждать слиться,
Их рок – лишь взглядом
Соединиться.
О, сон усталый,
О, вздох несмелый!
Шиповник альпий,
Шиповник белый!

СРАЗУ

Ты мне понравилась так сразу оттого,
Что ты так девственно-стыдлива и прекрасна.
Но за стыдливостью, и сдержанно, и страстно,
Коснулось что-то сердца твоего.

В твои глаза взглянув, я вижу в зыбком взоре,
Что страсть была тебе знакома и близка.
Ты легкая волна, играющая в море,
Ты тонкий стебель нежного цветка.

Дыханьем ветерка, в заветное мгновенье,

Нарушена была твоя немая тишь,
Но было так легко его прикосновение,
Что ты его едва-едва таишь.

Мне все же чудится, что ласки поцелуя
Ты ясно слышала, и знаешь сладость их,
И я, увидя зыбь глубоких глаз твоих,
Тебя люблю, желая и ревную.

БЕЛЫЙ ЦВЕТОК

В твои глаза взглянувши, я понял в тот же миг,
Что ты цветок воздушный и сладостный родник.

В твоей душе так много прозрачных светлых вод,
И над водой зеркальной цветок-мечта живет.

Весь белый, белый, белый, он лишь в себя влюблен.
Его восторг воздушный ни с кем не разделен.

Но я люблю воздушность и белые цветы.
Прекрасная! Запомни, что мне желанна ты!

ТЫ ЗДЕСЬ

Ты здесь, со мною, так близко-близко.
Я полон счастья. В душе гроза.
Те цепенеешь – как одалиска
Полузакрывши свои глаза.

Кого ты любишь? Чего ты хочешь?
Теперь томишься? Иль с давних пор?
О чем поешь ты, о чем пророчишь,
О, затененный, но яркий взор?

Мое блаженство, побудь со мною,
Я весь желанье, я весь гроза.
Я весь исполнен тобой одною.
Открой мне счастье! Закрой глаза!

ЧЕРЕМУХА

Черемухой душистой с тобой опьянены,

Мы вдруг забыли утро, и вдруг вступили в сны.

И утро превратилось в моря без берегов,
Моря плавучих тучек, ветвей, кустов, цветов.

Цветы, деревья, травы, и травы, и цветы.
Моря цветов и красок, любовь, и я, и ты.

Лицо к лицу склонивши и руку в руку взяв,
Мы вдруг прониклись счастьем легко дрожащих трав.

Безмерным светом Солнце светило с высоты.
И было изумленье, восторг, и я, и ты.

В нас царствовала Вечность, в нас был короткий час,
И утро выросло для нас, для нас, для нас.

Мы были два сиянья, два призрака весны.
Черемухой душистой подсказанные сны.

ПРОЗРАЧНОСТЬ

Воздух стал прозрачней и печальней,
Умер день, а ночь не родилась.
Из окна, в своей опочивальне,
Лишь одна звезда, блеснув, зажглась.

Облачком окутанная белым,
Ласково глядела с высоты,
Призраком воздушно-онемелым.
Образом нетленной чистоты.

И с тобой, по берегу морскому,
Я вперед безгласно уходил,
К новому, к нежданному, к другому,
К воздуху без туч и без светил.

* * *

Ты вся мне кажешься какой-то тайной сладкой,
Когда вот здесь, вот тут, молчишь, едва дыша,
И для меня навек останется загадкой
Твоя безмолвная душа.

Всем видом сказочным, немножко старосветским,
Напоминающим прадедовские дни,

И этим голосом, задержанным и детским,
Ты точно говоришь: «Усни».

Когда же ты поешь так сладостно и ровно,
Ты вся мне кажешься нетронутым цветком,
Едва лелеемым, стыдливо и любовно,
Полувлюбленным ветерком.

ШЕСТНАДЦАТИ ЛЕТ

Счастливая девушка
Шестнадцати лет!
О, возраст влюбленности
И быстрых побед!
О, миг пробуждения,
Румяный расцвет!

Весь мир вам – как житница,
Он нам только пуст.
Он вам улыбается,
Как розовый куст,
Как нежность подвижная
Смеющихся уст.

К вам жизнь приближается,
Ласкает, зовет.
Под солнцем на озере
Вскрывается лед.
На пчельнике топится
И копится мед.

Во всем обещания
И ласковый свет.
Вы спросите, взглянете,
Вам будет ответ.
О, милая девушка
Шестнадцати лет!

ЗАМАРАШКА

Уличной испанке

Бедная ты замарашка,
Серенький робкий зверок,
Ты полевая ромашка,
Никем нелюбимый цветок.

Ты и не знаешь, как манит
Прелесть незнатных полей,
Вид твой души не обманет,
Ты всех мне красавиц милей.

КОЛДУНЬЯ

Сонет

Как медленно, как тягостно, как скучно
Проходит жизнь, являя тот же лик.
Широкая река течет беззвучно,
А в сердце дышит бьющийся родник.

И нового он хочет каждый миг,
И старое он видит неотлучно.
Субботний день, как все, прошел, поник,
И полночь бьет, и полночь однозвучна.

Так что же, завтра – снова как вчера?
Нет, есть восторг минуты исступленной.
Меня зовут. Я слышу. Так. Пора.

Пусть завтра встречу смерть в чаду костра,
За сладость счастья сладко быть сожженной.
Меж демонов я буду до утра!

МОРСКАЯ ДУША

У нее глаза морского цвета,
И живет она как бы во сне.
От весны до окончания лета
Дух ее в нездешней стороне.

Ждет она чего-то молчаливо,
Где сильнее всего шумит прибой,
И в глазах глубоких в миг отлива
Холодеет сумрак голубой.

А когда высоко встанет буря,
Вся она застынет, внемля плеск.
И глядит как зверь, глаза прищуря,
И в глазах ее зеленый блеск.

А когда настанет новолунье,

Вся изнемогая от тоски,
Бледная влюбленная колдунья
Расширяет черные зрачки.

И слова какого-то обета
Все твердит, взволнованно дыша,
У нее глаза морского цвета,
У нее неверная душа.

СЕМИЦВЕТНИК

Люси Савицкой

Нежнее, чем польская панна,
И значит, нежнее всего.
Бальмонт

1

Лесной ручей поет, не зная почему,
Но он светло журчит и нарушает тьму.
А в трепете лучей поет еще звончей,
Как будто говоря, что он ничей, ничей.

Так ты всегда светла, не зная почему,
И быть такой должна, наперекор всему.
Твоя душа – напев звенящего ручья,
Который говорит, что ты ничья, ничья.

2

Смотри, как звезды в вышине
Светло горят тебе и мне.
Они не думают о нас,
Но светят нам в полночный час.

Прекрасен ими небосклон,
В них вечен свет, и вечен сон.
И кто их видит – жизни рад,
Чужою жизнью богат.

Моя любовь, моя звезда,
Такой, как звезды, будь всегда.
Горя, не думай обо мне,
Но дай побыть мне в звездном сне.

3

Нет, ты не поняла, что в бездне пустоты
Я не обрыв, не тьма, а вольный сон мечты,
Такой же радостный и вкрадчивый, как ты.

Я пропасти люблю, но так же, как леса,
Молчанье, и за ним – земные голоса,
И все подземное, и свет, и небеса.

Я, бесконечное в конечном ощутив,
Люблю и высоту, влюбляюсь и в обрыв,
И я в чудовищном свободен и красив.

Свободен потому, что только миг я в нем.
И сладко сплю в тени, сказавши тьме: «Уснем».
Но вот уж я восстал, я весь огонь с огнем.

Мы всюду встретимся, где чары красоты,
Где в самом хаосе завершены черты,
Где свет гармонии, где счастье, где ты.

4

Люси, моя весна! Люси, моя любовь!
Как сладко снова жить, и видеть солнце вновь.
Я был в глубокой тьме, моя душа спала,
Но задрожала мгла, когда весна пришла.

Восторгом стала боль, ответом стал вопрос,
От смеха губ твоих, и золота волос.
И тонкий стан ко мне прильнул в воздушном сне,
И предал я свой дух чарующей весне.

О, стройная мечта, не разлучусь я с ней!
Кто в мире может быть моей Люси нежней?
Кто лучше всех? Люси, спроси ручей, цветы:
Лучи, ручей, цветы мне говорят, что – ты!

5

Кто полюбив – не сразу полюбил?
В глубокой тьме – горят огни светил.
И кто устав – свою покинул тьму,
Его звезда – светло горит ему.

К тебе прильнув – я вижу бездну вод.
В моих зрачках – твой гордый блеск живет.
Зеркален лик – прозрачной глубины,
Там два стебля – влюбленно сплетены.

В одном цветке – как бархатная ночь,
В другом цветке – огонь, что рвется прочь.
И мы горим – прекрасней нет светил,
И в первый раз – я сразу полюбил.

6

Когда сейчас передо мною
Ты в сладострастье замерла,
Одною схвачены волною,
Мы отдались любви и зною,
Но в наших взорах пеленою
Возникла трепетная мгла.

И мы глаза свои закрыли,
Чтоб видеть лишь себя во сне,
И в блеске сна, в цветочной пыли,
Мы жизнью слитно-разной жили,
Как два виденья той же были,
Как два луча в одной волне.

И все слова одной страницы
Соединить нас не могли,
Сверкнув друг другу, как зарницы,
Тонули мы, как в небе птицы,
И ты, полуоткрыв ресницы,
Была вблизи – но как вдали!

7

«Зачем ты хочешь слов? Ужели ты не видишь,
Как сладко мне с тобой, цветок мой голубой?
Ни друга, ни врага ты взглядом не обидишь,
Цветешь, всегда цветешь, взлелеянный Судьбой.

Зачем тебе слова? Я, как и ты, безгласна.
Я сны истомные лелею, как и ты.
Смотри, как дышим мы, тревожно, нежно, страстно...
О, милый, милый мой! Ведь мы с тобой – цветы!»

* * *

Влага только на мгновенье
Может к лотосу прильнуть.
Даст ему свое забвенье,
И опять стремится в путь.

Лотос только на мгновенье
Принимает поцелуй
И восторг прикосновенья
Переменно-быстрых струй.

Миг блаженства, легкость ласки,
Вольно-слитные сердца,
Прелесть призрачной завязки
И мгновенного конца.

Лотос после быстрой ласки
Весь блестит, легко дрожа,
И вода в подвижной сказке
Обновленна и свежа.

ТРИ ЦВЕТА

Черный, желтый и красный,
Три испанские цвета.
Слиянье триады согласной
Разгадано сердцем поэта.

Черный цвет подозренья
Страшен душам неверным,
Обманчивый миг утоленья
К возмездьям приводит примерным.

Желтый – дикая ревность,
Жгучесть раненой чести,
До времени скрытая гневность,
Злорадство рассчитанной мести.

Всех отчетливей – красный,
Полный жизни и смерти.
Доверьтесь триаде согласной,
Любите, но страсти не верьте!

СЕРЕНАДА

Я сомкнул глаза усталые,
Мира больше нет.
Плачьте, плачьте, запоздалые,
Светит вам лишь поздний свет.
Дышат сумерки неясные,
Смотрят звезды с высоты.
Плачьте, страстные, подвластные

Тайнам темноты.

Я закрыл глаза усталые,
Стройный мир погас.
Кровь слагает сказки алые,
И обманывает нас.
Дышат шелесты неясные,
Дымно спит речная гладь.
Плачьте, страстные, безгласные.
Вам недолго спать.

КРЕСТОНОСЕЦ

Сонет

Ни ревности, ни скуке, ни злословью,
Моей души живой я не предаю.
Блуждая по несчетным городам,
Одним я услажден всегда – любовью.

Мой ум увлек меня к Средневековью,
Ко дням служенья тающим мечтам.
И, крестоносец, годы я отдам,
Чтоб розы снов зарделись алой кровью.

Моей! Моей! Неверных больше нет.
В пустыне – все смешавших – долгих лет
Сравнялись все молитвы и проклятья.

И в верность дней не верю я один.
Во имя жертвы, счастья без объятья,
Я сумрачный, я гордый паладин.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТ

* * *

О, Сафо, знаешь только ты
Необъяснимость откровенья
Непобежденной красоты
В лучах бессмертного мгновенья!

О, Сафо, знаешь только ты, –

Чье имя – сладость аромата, –
Неизреченные мечты,
Для вас блеснувшие когда-то!

О, Сафо, знаешь только ты,
Как ярко ширятся, без счета,
Непостижимые цветы
Из зачарованного грота!

* * *

Жизнь проходит, – вечен сон.
Хорошо мне, – я влюблен.

Жизнь проходит, – сказка нет.
Хорошо мне, – я поэт.

Душен мир, – в душе свежо.
Хорошо мне, хорошо.

ОТПАДЕНИЯ

Отпадения в мир сладострастия
Нам самою Судьбой суждены.
Нам неведомо высшее счастье.
И любить, и желать – мы должны.

И не любит ли жизнь настоящее?
И не светят ли звезды за мглой?
И не хочет ли Солнце горящее
Сочетаться любовью с Землей?

И не дышит ли влага прозрачная,
В глубину принимая лучи?
И не ждет ли Земля новобрачная?
Так люби. И целуй. И молчи.

МОЕ ПРИКОСНОВЕНЬЕ

Мое прикосновение,
Мой сладкий поцелуй –
Как светлое забвенье,
Как пенье вешних струй.

Воздушное лобзанье,
До истощенья сил –
Как сладость приказанья
Того, кто сердцу мил.

Оно легко змеится
Вдоль тела и лица –
И длится, длится, длится,
Как будто без конца.

* * *

Мой милый! – ты сказала мне. –
Зачем в душевной глубине
Ты будишь бурные желанья?
Все, что в тебе, влечет меня.
И вот в душе моей, звеня,
Растет, растет очарованье!

Тебя люблю я столько лет,
И нежен я, и я поэт.
Так как же это, совершенство,
Что я тебя своей не звал,
Что я тебя не целовал,
Не задыхался от блаженства?

Скажи мне, счастье, почему?
Пойми: никак я не пойму,
Зачем мы стали у предела?
Зачем не хочешь ты любить,
Себя в восторге позабыть,
Отдать и душу мне и тело?

Пойми, о, нежная мечта:
Я жизнь, я солнце, красота,
Я время сказкой зачарую,
Я в страсти звезды создаю,
Я весь – весна, когда пою,
Я – светлый бог, когда целую!

УТРЕННИК

Я нарвал черемухи душистой,
Освеженной утреннею мглой.
Как в ней много пьяности росистой.

Милая, скорей окно открой!

Я тебя к тебе самой ревную,
Я тебя так тесно обовью,
И тебя цветами зачарую,
И тебя рососою напою.

Предо мною тонкая преграда,
Сквозь стекло видна твоя кровать.
Нет, не надо твоего, не надо,
Дай тебя мне всю поцеловать!

* * *

Я тебя закутаю
Дрёмой грез пленительных,
Я тебя опутаю
Сетью тонких трав,
Нежно забаюкаю
Сказкой ласк томительных,
Замедленной мукою
Сладостных отрав.
Ты вздохнешь, влюбленная,
Побледнев от счастья,
Сладко-утомленная,
Как вечерний свет.
Скована безбрежностью
Тайны сладострастия,
Ты увидишь с нежностью.
Что с тобой – поэт.

АРУМ

Тропических цветов, багряно-пышный арум!
Твои цветы грозят ликующим пожаром.

Твои листья горят, нельзя их позабыть,
Как копья, чья судьба – орудьем смерти быть.

Цветок-чудовище, надменный и злоокий,
С недобрым пламенем, с двуцветной поволокой.

Снаружи блестящей сиянием зари,
Светло-пурпуровой, – и черною внутри.

Губительный цветок, непобедимый арум,

Я предан всей душой твоим могучим чарам.

Я знаю, что они так пышно мне сулят:
С любовным праздником в них дышит жгучий яд!

ХОТЬ РАЗ

Мы боимся – мы делим – дробим
Наш восторг пред возникшей картиной.
О, хоть раз я хочу быть любим
С беззаветностью – пусть хоть звериной!

Хоть звериной, когда неземной
На земле нам постичь невозможно.
Вот, ты чувствуешь? Сладко со мной?
Мы не бледно забылись, не ложно.

Утомившись, мы снова хотим,
Орхидейным подобные чашам.
Мы с тобою весь мир победим,
Он возникнет чарующе-нашим.

Ты качаешься в сердце моем,
Как на влаге – восторг отражений.
Мы с тобою весь мир закуем
Красотою змеиных движений!

АНИТА

Я был желанен ей. Она меня влекла,
Испанка стройная с горящими глазами.
Далеким заревом жила ночная мгла,
Любовь невнятными шептала голосами.
Созвучьем слов своих она меня зажгла,
Испанка смуглая с глубокими глазами.
Альков раздвинулся воздушно-кружевной.
Она не стала мне шептать: «Пусти... Не надо...»
Не деве Севера, не нимфе ледяной,
Твердил я вкрадчиво: «Anita! Adorada!»*
Тигрица жадная дрожала предо мной, –
И кроме глаз ее мне ничего не надо.

*Анита! Обожаемая! (исп.)

СЛИЯНИЕ

Сонет

Красивый зверь из тигровой семьи,
Жестокий облик чувственной пантеры,
С тобой я слит в истомном забытьи,
Тебя люблю, без разума, без меры.

Я знал давно, как властны все химеры,
Я предал им мечтания мои,
Но ты даешь мне сладость новой веры,
Даешь мне знать о новом бытии.

Различности в слиянии едином,
Кошачья мягкость, с женской красотой,
Лик юноши, плененного мечтой.

Влюбленный ангел, с помыслом звериным,
Возьми меня, скорей, мой нектар пей,
Ласкай меня, любя меня, убей!

РУСАЛКА

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
Ты один мне понравился между людьми.
До тебя я была холодна и бледна.
Я с глубокого, тихого, темного дна.

Нет, помедли. Сейчас загорится для нас
Молодая Луна. Вот, ты видишь? Зажглась!
Дышит мрак голубой. Ну, целуй же! Ты мой?
Здесь. И здесь. Так. И здесь... Ах, как сладко с тобой!

* * *

Я ласкал ее долго, ласкал до утра,
Целовал ее губы и плечи.
И она наконец прошептала: «Пора!
Мой желанный, прощай же – до встречи».

И часы пронеслись. Я стоял у волны.
В ней качалась русалка нагая.
Но не бледная дева вчерашней Луны,

Но не та, но не та, а другая.

И, ее оттолкнув, я упал на песок,
А русалка, со смехом во взоре,
Вдруг запела: «Простор полноводный глубок.
Много дев, много раковин в море.

Тот, кто слышал напев первозданной волны,
Вечно полон мечтаний безбрежных.
Мы – с глубокого дна, и у той глубины
Много дев, много раковин нежных».

КОЛДУНЬЯ ВЛЮБЛЕННАЯ

Мне ведомо пламя отчаянья,
Я знаю, что знают в аду.
Но, мраку отдавшись, бегу от раскаянья,
И новых грехов задыхаясь жду.

Красивую маску бесстрастия
Лишь равный способен понять.
Глаза мои могут ослепнуть от счастья,
Ослепнуть от муки, – но слез им не знать.

О, да, я колдунья влюбленная,
Смеюсь, по обрыву скользя.
Я ночью безумна, я днем полусонная,
Другой я не буду – не буду – нельзя.

ИГРАЮЩЕЙ В ИГРЫ ЛЮБОВНЫЕ

Есть поцелуи – как сны свободные,
Блаженно-яркие, до исступления.
Есть поцелуи – как снег холодные.
Есть поцелуи – как оскорбление.

О, поцелуи – насильно данные,
О, поцелуи – во имя мщения!
Какие жгучие, какие странные,
С их вспышкой счастья и отвращения!

Беги же с трепетом от исступленности,
Нет меры снам моим, и нет названия
Я силен – волею моей влюбленности,
Я силен дерзостью – негодования!

НЕРЕИДА

Нет, недаром я по взморью возле пенных волн бродил,
В час, когда встают туманы, как застывший дым кадил.
Нет, недаром я в легенды мыслью жадною вникал,
Постигая духов моря, леса, воздуха, и скал.
Вот и полночь. Над прибоем светит полная Луна.
И упорно возникает, на мгновенье, тишина.
Между шорохом, и шумом, и шипением волны,
Недовольной этим быстрым наступленьем тишины,
Между шелестом свистящим все растущих быстрых вод
Возникают nereиды, отдаленный хоровод.
Все похожи и различны, все влекут от света в тьму,
Все подвластны безразличья назначенью одному.
Чуть одну из них отметишь, между ею и тобой
Дрогнет мягко и призывно сумрак ночи голубой.
И от глаз твоих исчезнет отдаленный хоровод, –
Лишь она одна предстанет на дрожащей зыби вод.
Полудева, полурыба, из волос сплетет звено,
И, приблизив лик свой лживый, увлечет тебя на дно.
Я вас знаю, nereиды. Вот и полночь. Тишина.
Над прерывистым прибоем светит полная Луна.
Я взглянул, и мягко дрогнул сумрак ночи голубой.
«Мой желанный! Мой любимый! Как отрадно мне с тобой!
Мой желанный! Мой любимый!» – Нет, постой меня ласкать.
И за сеть волос лучистых я рукою быстрой хватать.
Полудева! Полурыба! Не из водных духов я!
Не огнем желаний тщетных зажжена душа моя.
Если любишь, будь со мною, ласку дерзкую возьми,
И, узнавши власть поэта, издевайся над людьми.
И красавицу морскую я целую в лунной мгле,
Бросив чуждую стихию, тороплюсь к родной земле.
И упрямую добычу прочь от пенных брызг влеку,
Внемля шорох, свист и шелест вод, бегущих по песку.

* * *

Я больше ее не люблю,
А сердце умрет без любви.
Я больше ее не люблю,
И жизнь мою смертью зови.

Я буря, я пропасть, я ночь,
Кого обнимаю, гублю.
О, счастье вольности! – Прочь!
Я больше тебя не люблю!

* * *

Да, я люблю одну тебя,
За то, что вся ты – страсть,
За то, что ты, забыв себя,
Спешешь с высот упасть.

С высот холодных и немых
Тебя я заманил
Туда, где слышен звонкий стих,
Где не любить нет сил.

И в этой пропасти глухой
Мы – утро бытия.
Смотри, желанная, я твой,
Смотри, ты вся – моя.

ХОЧУ

Хочу быть дерзким, хочу быть смелым,
Из сочных гроздий венки свивать.
Хочу упиться роскошным телом,
Хочу одежды с тебя сорвать!

Хочу я зноя атласной груди,
Мы два желанья в одно сольем.
Уйдите, боги! Уйдите, люди!
Мне сладко с нею побыть вдвоем!

Пусть будет завтра и мрак и холод,
Сегодня сердце отдам лучу.
Я буду счастлив! Я буду молод!
Я буду дерзок! Я так хочу!

* * *

Я войду в зачарованный грот,
Я узнаю всю сладость земную.
Там красавица милого ждет,
Я воздушно ее поцелую.

Горячо к ней прижмусь и прильну,

В опьяненье своем закачаю.
Я люблю молодую волну,
Я желанье лобзаньем встречаю.

Безгранично-глубок небосвод,
И, как небо, мечтанья бескрайны.
Я люблю зачарованный грот:
В нем для любящих вечные тайны.

ПЕНЬЕ РУЧЬЯ

В пенье звонкого ручья
Переменность трепетанья.
В нем отдельность бытия,
Восхваленье мирозданья.

Он сорвался с высоты,
Возжелав безвестной дали.
Многоснежные хребты
В нем стремленье воспитали.

И покинув горный склон,
И себя любя без меры,
Весь вспенен, домчался он
До заманчивой пещеры.

В лабиринт ее проник.
Что там было? Что там стало?
Чей-то вскрик в тиши возник,
Так воздушно и устало.

Где-то алые цветы
Зашептались, закачались,
И виденья красоты
Поцелуем повстречались.

Поцелуй? Зачем? И чей?
Кто узнает! Это тайна..
Дальше, прочь бежит ручей,
Он в пещере был случайно.

* * *

Мы с тобой сплетемся в забыты:
Ты – среди подушек, на диване,
Я – прижав к тебе уста мои,

На коленях, в чувственном тумане.

Спущены тяжелые драпри,
Из угла нам светят канделябры,
Я увижу волны, блеск зари,
Рыб морских чуть дышащие жабры.

Белых ног, предавшихся мечтам,
Красоту и негу без предела,
Отданное стиснутым рукам,
Судорожно бьющееся тело.

Раковины мягкий мрак любя,
Дальних глаз твоих ища глазами,
Буду жечь, впивать, вбирать тебя
Жадными насытыми губами.

Солнце встанет, свет его умрет.
Что нам Солнце – разума угрозы?
Тот, кто любит, влажный мед сберет
С венчика раскрытой – скрытой розы.

ВЕСЕЛЫЙ ДОЖДЬ

Веселый дождь низлился с высоты,
Когда смеялось утро Мая.
Прошел в лесах, взрастил в садах цветы,
Весь мир улыбкой обнимая.

Веселый дождь, источник нежных снов,
Твой зов к забвенью сердце слышит.
Как много в мир ты нам послал цветов,
Ты праздник в жизни всех, кто дышит.

* * *

У ног твоих я понял в первый раз,
Что красота объятий и лобзаний
Не в ласках губ, не в поцелуе глаз,
А в страсти незабвенных трепетаний, –

Когда глаза – в далекие глаза –
Глядят, как смотрит коршун опьяненный.
Когда в душе нависшая гроза
Излилась в буре странно-измененной, –

Когда в душе, как перепевный стих,
Услышанный от властного поэта,
Дрожит любовь ко мгле – у ног твоих,
Ко мгле и тьме, нежней, чем ласки света.

* * *

За то, что нет благословения
Для нашей сказки – от людей; –
За то, что ищем мы забвения
Не в блеске принятых страстей; –

За то, что в сладостной бесцельности
Мы тайной связаны с тобой; –
За то, что тонем в беспредельности,
Непобежденные Судьбой; –

За то, что наше упоение
Непостижимо нам самим; –
За то, что силою стремления
Себя мы пыткам предадим; –

За новый облик сладострастия, –
Душой безумной и слепой, –
Я проклял все, – во имя счастья,
Во имя гибели с тобой.

* * *

Она отдалась без упрека,
Она целовала без слов.
– Как темное море глубоко,
Как дышат края облаков!

Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.
– Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!

Она не страшилась возмездья,
Она не боялась утрат.
– Как сказочно светят созвездья,
Как звезды бессмертно горят!

DANSES MACABRES

ПОЭТЫ

Ю. Балтрушайтису

Тебе известны, как и мне,
Непобедимые влечения,
И мы – в небесной вышине,
И мы – подводные течения.

Пред нами дышит череда
Явлений Силы и Недужности,
И в центре круга мы всегда,
И мы мелькаем по окружности.

Мы смотрим в зеркало Судьбы,
И как на праздник наряжаемся,
Полувладыки и рабы,
Вкруг темных склепов собираемся.

И, услышав полночный бой,
Улившись музыкой железною,
Мы мчимся в пляске круговой
Над раскрывающейся бездною.

Игра кладбищенских огней
Нас манит сказочными чарами,
Везде, где смерть, мы тут же с ней,
Как тени дымные – с пожарами.

И мы незримые горим,
И сон чужой тревожим ласками,
И меж неопытных царим
Безумьем, ужасом и сказками.

ЗАКЛЯТИЕ

1

Я видел правду только раз,
Когда солгали мне.
И с той поры, и в этот час,
Я весь горю в огне.

Я был ребенком лет пяти,
И мне жилось легко.
И я не знал, что я в пути,
Что буду далеко.

Безбольный мир кругом дышал
Обманами цветов.
Я счастлив был, я крепко спал,
И каждый день был нов.

Усадьба, липы, старый сад,
Стрекозы, камыши.
Зачем нельзя уйти назад
И кончить жизнь в тиши?

Я в летний день спросил отца:
«Скажи мне: вечен свет?»
Улыбкой грустного лица
Он мне ответил: «Нет».

И мать спросил я в полусне:
«Скажи: Он добрый – Бог?»
Она кивнула молча мне,
И удержала вздох.

Но как же так, но как же так?
Один сказал мне: «Да»,
Другой сказал, что будет мрак,
Что в жизни нет «Всегда».

И стал я спрашивать себя,
Где правда, где обман,
И кто же мучает любя,
И мрак зачем нам дан.

2

Я вышел утром в старый сад
И лег среди травы.
И был расцвет растений смят
От детской головы.

В саду был черный ветхий чан
С зацветшею водой.
Он был как знак безвестных стран,
Он был моей мечтой.

Вон ряска там, под ней вода,
Лягушка там живет.
И вдруг ко мне пришла Беда,
И замер небосвод.

Жестокой грезой детский ум
Внезапно был смущен,
И злою волей, силой дум,
Он в рабство обращен.

Так грязен чан, в нем грязный мох.
Я слышал мысль мою.
Что, если буду я как Бог?
Что, если я убью?

Лягушке тесно и темно,
Пусть в Рай она войдет.
И руку детскую на дно
Увлеч водоворот.

Водоворот безумных снов,
Непоправимых дум.
Но сад кругом был ярко-нов,
И светел был мой ум.

Я помню скользкое в руках,
Я помню холод, дрожь,
Я помню Солнце в облаках,
И в детских пальцах нож.

Я темный дух, я гномный царь,
Минута не долга.
И торжествующий дикарь
Скальпировал врага.

И что-то билось без конца
В глубокой тишине.
И призрак страшного лица
Приблизился ко мне.

И кто-то близкий мне сказал,
Что проклят я теперь,
Что кто слабейшего терзал,
В том сердца нет, он зверь.

Но странно был мой ум упрям,
И молча думал я,
Что боль дана как правда нам,
Чужая и моя.

О, знаю, боль сильней всего,
И ярче всех огней,
Без боли тупо и мертво

Мельканье жалких дней.

И я порой терзал других,
Я мучил их... Ну, что ж!
Зато я создал звонкий стих,
И этот стих не ложь.

Кому я радость доставлял,
Тот спал, как сытый зверь.
Кого терзаться заставлял,
Пред тем открылась дверь.

И сам в безжалостной борьбе
Терзание приняв,
Благословенье шлю тебе,
Кто предо мной неправ.

Быть может, ересь я пою?
Мой дух ослеп, оглох?
О, нет, я слышу мысль мою,
Я знаю, вечен Бог!

КОСТРЫ

Да, и жгучие костры
Это только сон игры.
Мы играем в палачей.
Чей же проигрыш? Ничей.

Мы меняемся всегда.
Нынче «нет», а завтра «да».
Нынче я, а завтра ты.
Все во имя Красоты.

Каждый звук – условный крик.
Есть у каждого двойник.
Каждый там глядит как дух,
Здесь телесно грезит вслух.

И пока мы здесь дрожим,
Мир всемерный нерушим.
Но в желанье глянуть вниз
Все верховные сошлись.

Каждый любит, тень любя,
Видеть в зеркале себя.
И сплетенье всех в одно
Глубиной повторено.

Но, во имя глубины,
Мы страдаем, видя сны.
Все мы здесь, наоборот,
Повторяем небосвод.

Свет оттуда – здесь как тень,
День – как ночь, и ночь – как день.
Вечный творческий восторг
Этот мир как крик исторг.

Мир страданием освящен,
Жги меня, и будь сожжен.
Нынче я, а завтра ты,
Все во имя Красоты.

ТАЙНА ГОРБУНА

Ты, конечно, проходил
По обширным городам.
Много мраков я светил,
Много разных чудищ там.

Поглядишь и там и тут,
Видишь полчища людей.
Целый мир в любом замкнут,
Мир обманов и затей.

Почему у горбуна
Так насмешливо лицо?
В этом доме два окна,
Есть в нем дверь и есть крыльцо.

Что ж, войдем и поглядим.
В этом скрыто что-нибудь.
Если мы душою с ним,
Он не может дверь замкнуть.

Мы заходим в темный ход,
Видны знаки по стенам.
Опрокинут небосвод.
И немножко жутко нам!

Ум наш новостью смущен,
Искаженность манит вас.
Здесь неожиданный свет зажжен,
Постоянный свет погас.

Кто вошел в такой уют,
К Сатане он бросил взгляд.

В этой храмине поют,
И, как в храме, здесь кадят.

Кверху поднятым лицом
Примешь небо и весну.
Спину выпнувши кольцом,
Встретишь мрак и глубину.

И невольно душит смех,
И ликуешь как змея.
Оттого что тайный грех –
Оттененье бытия.

Оттого у горбуна
И насмешливо лицо.
Эта странная спина –
Сатанинское кольцо!

ГОЛОС ДЬЯВОЛА

Я ненавижу всех святых,
Они заботятся мучительно
О жалких помыслах своих,
Себя спасают исключительно.

За душу страшно им свою,
Им страшны пропасти мечтания,
И ядовитую Змею
Они казнят без сострадания.

Мне ненавистен был бы Рай
Среди теней с улыбкой кроткою,
Где вечный праздник, вечный май
Идет размеренной походкою.

Я не хотел бы жить в Раю,
Казня находчивость змеиную,
От детских дней люблю Змею,
И ей люблюсь, как картиною.

Я не хотел бы жить в Раю,
Меж тупоумцев экстатических.
Я гибну, гибну – и пою,
Безумный демон снов лирических.

ВРАГ

У меня был враг заклятый,
У меня был враг.
На его постели смятой
Хохот демона проклятый
Оживлял полночный мрак.
Без него жена смеялась,
Обнималась, целовалась.
Хохот демона был мой.
Побыл с ней. Ай-да! Домой!

Враг заклятый был далеко.
Возвратился. «Честь!»
Ты, без страха и упрека!
Я, как ты, во власти рока.
Хочешь? Что же, месть, так месть.
Час и место. Мы явились.
Мы сошлись и поклонились.
Чей-то взор покрылся тьмой.
Хохот демона был мой!

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО

Сонет

Я с нею шел в глубоком подземелье,
Рука с рукой, я был вдвоем – один.
Мы встретились в сверкающем веселье,
Мы нежились, как лилии долин.

Потом пришли к дверям старинной кельи,
Предстала Смерть, как бледный исполин.
И мы за ней, в глубоком подземелье,
Стремилась прочь от зелени долин.

Мы шли во тьме, друг друга не видали,
Любовь была как сказка дальних лет,
Любовь была печальнее печали.

В конце пути зажегся мрачный свет,
И я, искатель вечной Антигоны,
Увидел рядом голову – Горгоны.

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ

Под низкою крышкою гроба,

Забиты гвоздями,
Недвижно лежали мы оба,
С враждебными оба чертами.

Застывшие трупы, мы жили
Сознанием проклятья,
Что вот и в могиле – в могиле! –
Мы в мерзостной позе объятья.

И Дьявол смеялся надгробно,
Плитой погребальной:
«Эге, – говорил: – как удобно
Уродцам – в могиле двуспальной!»

ДВА ТРУПА

Два трупа встретились в могиле,
И прикоснулся к трупу труп,
В холодной тьме, в тюрьме, и в гнили.
Прикосновеньем мертвых губ.

Они, влюбленные, когда-то
Дышали вместе под Луной
Весенней лаской аромата
И шелестящей тишиной.

Они клялись любить до гроба.
И вот, по истеченье дней,
Земная жадная утроба
Взяла их в пищу для червей.

Тяжелые, с потухшим взглядом,
Там, где повсюду мгла и мгла,
Они лежат так тесно рядом,
Зловонно-мягкие тела.

Для мелких тварей ставши пищей,
И разлученные с душой,
Они гниющие жилище,
Где новый пир, для них чужой.

И дико спят они в тумане,
И видят сказочные сны
Неописуемых дыханий
И необъятной тишины.

НАД БОЛОТОМ

Над болотом позабытым брошен мост,
За болотом позабытым брызги звезд.
Там, за топью, цепеня, спит Лазурь,
Затаив для дней грядущих сумрак бурь.

Неживые, пропадают брызги звезд,
И к болоту от болота брошен мост.
И одно лишь не обманет – жадность бурь,
Ею дышит – с ней в объятых – спит Лазурь.

ВЕДЬМА

Я встретил ведьму старую в задумчивом лесу.
Спросил ее: «Ты знаешь ли, какой я грех несущ?»
Смеется ведьма старая, смеется что есть сил:
«Тебя ль не знать? Не первый ты, что молодость убил.
Отверг живые радости, и стал себе врагом,
И тащишься в дремучий лес убогим стариком».
Я вижу, ведьма старая все знает про меня,
Смеется смехом дьявола, мечту мою кляня,
Мечту мою о праведном безгрешном житии, –
И молвил ей: «А знаешь ли ты чаянья мои?
Я в лес вошел, но лес пройду, прозрачен, как ручей,
И выйду к морю ясному божественных лучей».
Смеется ведьма старая: «Куда тебе идти?
Зашел сюда, – конец тебе: зачахнешь на пути.
Сии леса – дремучие, от века здесь темно,
Блуждать вам здесь дозволено, а выйти не дано.
Ишь, выйду к морю светлому! Ты думаешь: легко?
И что в нем за корысть тебе! Темно и глубоко».
И ведьма рассмеялась своим беззубым ртом:
«На море жить нельзя тебе, а здесь твой верный дом».
И ведьма рассмеялась, как дьявол егозя:
«Вода морская – горькая, и пить ее – нельзя».

INCUBUS

Как стих сказителя народного,
Из поседевшей старины,
Из отдаления холодного,
Несет к нам стынущие сны, –

Так темной полночью рожденные
Воззванья башенных часов,

Моей душою повторенные,
Встают как говор голосов.

И льнут ко мне с мольбой и с ропотом:
«Мы жить хотим в уме твоём».
И возвещают тайным шепотом:
«Внимай, внимай, как мы поём».

Мы замираем, как проклятия,
Мы возрастаем, как прибой.
Раскрой безгрешные объятия,
Мы все обнимемся с тобой».

И я взглянул, и вдруг, неожиданные,
Лучи Луны, целуя мглу,
Легли, как саваны туманные,
Передо мною на полу.

И в каждом саване – видение,
Как нерожденная гроза,
И просят губы наслаждения,
И смотрят мертвые глаза.

Я жду, лежу, как труп, но слышащий.
И встала тень, волнуя тьму,
И этот призрак еле дышащий
Приникнул к сердцу моему.

Какая боль, какая страстная,
Как сладко мне ее продлить!
Как будто тянется неясная
Непрерываемая нить!

И тень все ближе наклоняется,
Горит огонь зеленых глаз,
И каждый миг она меняется,
И мне желанней каждый раз.

Но снова башня дышит звуками,
И чей-то слышен тихий стон,
И я не знаю, чьими муками
И чьею грудью он рожден.

Я только знаю, только чувствую,
Не открывая сжатых глаз,
Что я как жертва соприсутствую,
И что окончен сладкий час.

И вот сейчас она развеется,
Моя отторгнутая тень,
И на губах ее виднеется
Воздушно-алый, алый день.

ПОЖАР

Я шутя ее коснулся,
Не любя ее зажег.
Но, увидев яркий пламень,
Я – всегда мертвей, чем камень –
Ужаснулся,
И хотел бежать скорее,
И не мог.

Трепеща и цепenea,
Вырастал огонь, блестя,
Он дрожал, слегка свистя,
Он сверкал проворством Змея,
Все быстрей,
Он являл передо мною лики сказочных зверей.
С дымом бьющимся мешаясь,
В содержанье умножаясь,
Он, взметаясь, красовался надо мною и над ней.

Полный вспышек и теней,
Равномерно, неотступно,
Рос губительный пожар.
Мне он был блестящей рамой,
В ней возник он жгучей драмой,
И преступно,
Вместе с нею я светился в быстром блеске дымных чар.

* * *

Хорошо ль тебе, девица
Там глубоко под землей?
Ты была цветок, и птица,
 Праздник мой!
Хорошо ль тебе, девица,
Так глубоко под землей?

Ты, как все, лишь день светила,
И ничтожно умерла.
Глубока твоя могила,
 Сон и мгла.
Ты, как все, лишь день светила,
Потускнела, умерла.

Твой конец последний близок,

Ты остывший бледный труп.
Терем твой, девица, низок,
Миг твой скуп.
Твой конец последний близок,
Ты посмешище и труп.

В ТОТ МИГ

В тот миг расставанья в нем умерло что-то,
Он с нею был взглядом, не с нею душою.
А в ней лишь одна трепетала забота:
«О, если б могла я быть вечно с тобою!»

Лицо у нее лишь на миг исказилось,
Она, холодея, сдержала рыданья.
«Прощай» у обоих в душе проносилось,
И он ей с улыбкой сказал: «До свиданья!»

В тот миг расставанья, как ветер свободный,
Он только и ждал, чтоб скорей удалиться.
И, вздрогнув, бледнея в тоске безысходной,
Она прошептала: «Я буду молиться!»

AD INFINITUM

В храме все – как прежде было.
Слышен тихий взмах кадил.
«Я смеялся, я шутил.
Неужели ты любила?»

Дымен смутный трепет свеч,
На иконах свет заемный.
Каждый хочет в церкви темной
От свечи свечу зажечь.

В храме будет так, как было.
Слышен тихий звон кадил.
«А, неверный! Ты шутил.
Горе! Горе! Я любила».

К СМЕРТИ

Смерть, медлительно-обманная,

Смерть, я ждал тебя года,
Но для каждого ты странная
И нежданная всегда.

Мне казалась упоительной
Мысль о том, что ты придешь
И прохладною целительной,
Торжествуя, обоймешь.

И воздушною одеждою
Мне навеешь легкий мрак.
Нет, обманут я надеждою,
Ты придешь не так, не так.

Как неведомое, грубое,
Ты возникнешь в тишине.
Как чудовище беззубое,
Ты свой рот прижмешь ко мне.

И неловкими прижатыми
Этих скользких мертвых губ,
Неотвратными объятьями
Превращен я буду в труп.

Но еще не бессознательный,
Не затянутый во тьму,
И мучительно-внимательный
К разложению своему.

Вот, рука окоченелая
Точно манит и грозит,
Синевато-грязно-белая,
Искривилась... Гнусный вид!

Вот, лицо покрылось пятнами,
Восковою пеленой,
И дыханьями развратными
Гниль витает надо мной.

Отвратительно-знакомые
Щекотания у рта.
Это мухи! Насекомые!
Я их пища, их мечта!

И приходят ночи, низкие,
Как упавший потолок.
Где же вы, родные, близкие?
Мир отпрянувший далек.

Глухо пали комья грязные,
Я лежу в своем гробу,
Дышат черви безобразные

На щеках, в глазах, на лбу.

Как челнок, сраженный мелями,
Должен медлить, должен гнить,
Я недели за неделями
Рок бессилён изменить.

За любовь мою чрезмерную
К наслаждениям земным,
После смерти, с этой скверною
Грешный дух неразлучим.

Целых семь недель томления,
Отвращения, тоски,
Семь недель, до избавления,
Рабство, ужас, и тиски!

Лишь одной отрадой нищенской
Ад могу я услаждать:
Пред оградой кладбищенской
Белой тенью в полночь встать.

СОЗНАНИЕ

* * *

Я с каждым могу говорить на его языке,
Склоняю ли взор свой к ручью или к темной реке.

Я знаю, что некогда, в воздухе, темном от гроз,
Среди длиннокрылых, меж братьев, я был альбатрос.

Я знаю, что некогда, в рыхлой весенней земле,
Червем, я с червем наслаждался в чарующей мгле.

Я с Солнцем сливался, и мною рассвет был зажжен,
И Солнцу, в Египте, звучал, на рассвете, Мемнон.

Я был беспощадным, когда набегал на врагов,
Но, кровью омывшись, я снова был светел и нов.

С врагом я, врагом, состязался в неравной борьбе,
И молча я вторил сраженный: «О, слава тебе!»

И мной, безмянным, не раз изумлен был Сократ.
И ныне о мудром, со мной, обо мне, говорят.

Я с каждым могу говорить на его языке,
Ищи меня в небе, ищи меня в темной реке.

* * *

Я не знаю, что такое – презрение,
Презирать никого не могу.
У самого слабого были минуты рокового горения,
И с тайным восторгом смотрю я в лицо – врагу.

Я не знаю, как можно быть гордым
Пред другим. Я горд – пред собой.
О, струны мои, прозвените небывалым аккордом,
Чтоб враг мой был, как я, во мгле голубой!

* * *

Я не могу понять, как можно ненавидеть
Остывшего к тебе, обидчика, врага.
Я радости не знал – сознательно обидеть,
Свобода ясности мне вечно дорога.

Я всех люблю равно, любовью равнодушной,
Я весь душой с другим, когда он тут, со мной,
Но чуть он отойдет, как светлый и воздушный
Забвеньем я дышу, своею тишиной.

Когда тебя твой рок случайно сделал гневным,
О, смейся надо мной, приди, ударь меня:
Ты для моей души не станешь ежедневным,
Не сможешь затемнить – мне вспыхнувшего – дня.

Я всех люблю равно, любовью безучастной,
Как слушают волну, как любят облака.
Но есть и для меня источник боли страстной,
Есть ненавистная и жгучая тоска.

Когда любя люблю, когда любовью болен,
И тот, другой, как вещь, берег всю жизнь мою,
Я ненависть в душе тогда сдержать не волен,
И хоть в душе своей, но я его убью.

ЗАГЛЯНУТЬ

Позабывшись,
Наклонившись,
И незримо для других,
Удивленно
Заглянуть,
Полусонно
Воздохнуть, –
Это путь,
Для того чтоб воссоздать
То, чего нам в этой жизни вплоть до смерти не видать.

ДУША

Душа – прозрачная среда,
Где светит радуга всегда,
В ней свет небесный преломлен,
В ней дух, который в жизнь влюблен.

В душе есть дух, как в солнце свет,
И тождества меж ними нет,
И разлучиться им нельзя,
В них высший смысл живет сквозя.

И трижды яркая мечта –
Еще не полная, не та,
Какая выткалась в покров
Для четверичности миров.

Последней, той, где все – одно,
В слова замкнуться не дано,
Хоть ею полон смутный стих,
В одежде сумраков земных.

И внешней лик той мысли дан:
Наш мир – безбрежный Океан,
И пламя, воздух, и вода
С землею слиты навсегда.

* * *

Жемчужные тона картин венецианских
Мне так же нравятся, как темные цвета
Богинь египетских, видений африканских,
И так же, как ночей норвежских чернота.

Но там, в Норвегии, еще есть ночь иная,
Когда в полночный час горит светило дня.
И яркие цвета, вся сила их земная,
В кровавых кактусах так радуют меня.

Что в мире я ценю – различность сочетаний:
Люблю Звезду Морей, люблю Змеинный Грех.
И в дикой музыке отчаянных рыданий
Я слышу дьявольский неумолимый смех.

ЧАСЫ

Отчего в протяжном бое
Убегающих часов
Слышно что-то роковое,
Точно хоры голосов?

Оттого, что с каждым мигом
Ближе к сердцу горький час.
Верь заветным древним книгам:
Страшный Суд грядет на нас.

Бойся тайных злодеяний,
В тайну жертвы вовлекись.
Нет вины без воздаяний.
Время зыбко. Берегись!

Бойся грозных мук, растущих
Из обманчивых утех.
Бойся мертвых, молча ждущих,
Чтоб раскрыть твой тайный грех.

Нет малейшего мгновенья,
Не записанного там.
Нет пощады, нет забвенья
Улетающим мечтам.

Бойся выйти из влиянья
Полной света полосы.
Слышишь голос предвещанья?
Бойся! Это бьют часы.

МАЯТНИК

Равнодушно я считаю

Безучастное тик-так.
Наслаждаюсь и страдаю,
Вижу свет и вижу мрак.

Я сегодня полновластен,
Я из племени богов.
Завтра, темный, я несчастен,
Близь Стигийских берегов.

И откуда я закинут
К этим низостям земли?
Все равно. Огни остынут.
Я как все умру в пыли.

И откуда так упорно
Манит зов на высоту?
Все равно. Мечта узорна.
Я могу соткать мечту.

Роковое покрывало
Над Изидой вековой,
Все, от самого начала,
Дышит сказкою живой.

Вправо – духи, влево – тени,
Все сплетается в одно.
Ты восходишь на ступени,
Ты нисходишь, – все равно.

Только знай, что влево больно,
Влево – больно, вправо – нет.
Сердце бьется своевольно,
А в уме холодный свет.

Кто что любит, то и встретит:
Насладись и умирай.
Эхо быстрое ответит:
Отрекись и вниди в Рай.

Кто что любит, то и примет:
Хочешь это? Хочешь то?
Но свободы не отнимет
У стремления никто.

Духи, вправо, тени, влево!
Мерный маятник поет.
Все живет в волнах напева,
Всем созвучьям свой черед.

Память, это луч небесный
Тем, кто может вспомнить счастье,
Тем, кто может слить начало
С ожидавшимся концом,
В жизни может быть и тесной,
Но исполненной участья,
Где любовь Судьбу встречала
С вечно-радостным лицом.

Память, это совесть темных,
Память, это бич небесный,
Память, это окрик судный
Для неверивших в Судьбу,
Лик Владельца дней заемных,
Вид улик в игре бесчестной,
Сон заснувших в сказке чудной
И проснувшихся – в гробу.

УБИЙЦА ГЛЕБА И БОРИСА

И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.
Пушкин

Едва Владимир отошел,
Беды великие стряслися.
Обманно захватил престол
Убийца Глеба и Бориса.

Он их зарезал, жадный волк,
Услал блуждать в краях загробных,
Богопротивный Святополк,
Какому в мире нет подобных.

Но, этим дух не напитаю,
Не кончил он деяний адских,
И князь древлянский Святослав
Был умерщвлен близ гор Карпатских.

Свершил он много черных дел,
Не снисходя и не прощая.
И звон над Киевом гудел,
О славе зверя возвещая.

Его ничей не тронул стон,
И крулю Польши, Болеславу,
Сестру родную отдал он

На посрамленье и забаву.

Но Бог с высот своих глядел,
В своем вниманье не скудея.
И беспощаден был удел
Бесчеловечного злодея.

Его поляки не спасли,
Не помогли и печенеги.
Его как мертвого несли,
Он позабыл свои набег.

Не мог держаться на коне,
И всюду чуял шум погони.
За ним в полночной тишине
Неслись разгневанные кони.

Пред ним в полночной тишине
Вставали тени позабытых.
Он с криком вскакивал во сне,
И дальше, дальше от убитых.

Но от убитых не уйти,
Они врага везде нагонят,
Они как тени на пути,
Ничьи их силы не схоронят.

И тщетно мчался он от них,
Тоской терзался несказанной.
И умер он в степях чужих,
Оставив кличку: Окаянный.

ТЕРЦИНЫ

Когда художник пережил мечту,
В его душе слагаются картины,
И за чертой он создает черту,

Исчерпав жизнь свою до половины,
Поэт, скорбя о том, чего уж нет,
Невольно пишет стройные терцины.

В них чувствуешь непогасимый свет
Страстей перекипевших и отживших,
В них слышен ровный шаг прошедших лет.

Виденья дней, как будто бы не бывших,
Встают, как сказка, в зеркале мечты,
И слышен гул приливов отступивших.

А в небесах, в провалах пустоты,
Светло горят закатным блеском тучи,
Светлее, чем осенние листья.

Сознанием смерти глянувшей могуче,
Звучат напевы пышных панихид,
Величественны, скорбны, и певучи.

Все образы, что память нам хранит,
В одежде холодеющих весталок,
Идут, идут, спокойные на вид.

Но, Боже мой, как тот безумно-жалок,
Кто не узнает прежний аромат
В забытой связке выцветших фиалок.

Последний стон. Дороги нет назад.
Кругом, везде, густеют властно тени,
Но тучи торжествующе горят.

Горят огнем переддремотной лени,
И, завладев всем царством высоты,
Роняют свет на дольняя ступени.

Я вас люблю, предсмертные цветы!

ОТ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА

От полюса до полюса я Землю обошел,
Я плыл путями водными, и счастья не нашел.

Я шел один пустынями, я шел во тьме лесов,
И всюду слышал возгласы мятежных голосов.

И думал я, и проклял я бездушные морей,
И к людям шел, и прочь от них в простор бежал скорей.

Где люди, там поруганы виденья высших грез,
Там тление, скрипение назойливых колес.

О, где ж они, далекие невинности года,
Когда светила сказочно вечерняя звезда?

Ослепли взоры жадные, одно горит светло:
От полюса до полюса – в лохмотьях счастья Зло.

СЛЕПЕЦ

Пожалейте, люди добрые, меня,
Мне уж больше не увидеть блеска дня.

Сам себя слепым я сделал, как Эдип,
Мудрым будучи, от мудрости погиб.

Я смотрел на Землю, полную цветов,
И в Земле увидел сонмы мертвецов.

Я смотрел на белый Месяц без конца,
Выпил кровь он, кровь из бледного лица.

Я на Солнце глянул, Солнце разгадал,
День казаться мне прекрасным перестал.

И увидев тайный облик всех вещей,
Страх я принял в глубину своих очей.

Пожалейте, люди добрые, меня,
Мне уж больше не увидеть блеска дня.

Может Рок и вас застигнуть слепотой,
Пожалейте соблазненного мечтой.

* * *

Прекрасно быть безумным, ужасно сумасшедшим,
Одно – в Раю быть светлом, другое – в Ад нисшедшим.

О, грозное возмездье минутных заблуждений:
Быть в царстве темных духов, кричащих привидений.

Отверженные лики чудовищных созданий
Страшней, чем то, что страшно, страшнее всех страданий.

Сознание, что Время упало и не встанет,
Сжимает мертвой петлей, и ранит сердце, ранит.

И нет конца мученьям, и все кругом отвратно.
О, ужас приговора: «Навеки! Безвозвратно!»

ОДИНОКОМУ

1

Ты благородней и выше других
 Вечною силой стремленья.
 Ты непропетый, несозданный стих,
 Сдавленный крик оскорбленья.

Ты непостижность высокой мечты,
 Связанной с тесною долей.
 Жажда уйти от своей слепоты,
 Жажда расстаться с неволей.

Ты проникаешь сознанием туда,
 Где прекращаются реки.
 Другом не будешь ты мне никогда,
 Братом ты будешь навеки.

2

Когда я думаю, любил ли кто кого,
 Я сердцем каждый раз тебя припоминаю,
 И вот, я знаю,
 Что от твоей любви – в твоей душе – мертво.

Мертво, как в небесах, где те же день и ночь
 Проходят правильно от века и доньне,
 И как в пустыне,
 Где та же мысль стоит и не уходит прочь.

И вдруг я вздрогну весь – о странный меж людей! –
 И я тебя люблю, хоть мы с тобой далеки,
 И эти строки
 Есть клятва, что и я – не только раб страстей.

3

Я полюбил индейцев потому,
 Что в их словах – бесчисленные зданья,
 Они растут из яркого страданья,
 Пронзая глубь веков, меняя тьму.

И эллинов, и парсов я пойму.
 В одних – самовлюбленное сознание,
 В других – великий праздник упования,
 Что будет миг спокойствия всему.

Люблю в мечте – изменчивость убранства,
 Мне нравятся толпы магометан,
 Оргийность первых пыток христиан,
 Все сложные узоры христианства.

Люблю волну.....
.....

4

Зачем волна встает в безбрежном море,
Она сама не знает никогда.
Но в ней и свет, и мрак, и нет, и да,
Она должна возникнуть на просторе.

В своем минутном пенистом уборе,
Уж новых волн стремится череда.
Бездонна переменная вода,
И все должно в согласие быть, и в споре.

И потому вознесшийся утес,
Храня следы морских бесплодных слез,
Мне застит вид и кажется ненужным.

Я жду свершенья счастья моего.
Я жду, чтоб волны моря, бегом дружным,
Разрушили со смехом и его.

5

О, Христос! О, рыбак! О, ловец
Человеческих темных сердец!
Ты стоишь над глубокой рекой,
И в воде ты встаешь – как другой!

Широка та река, глубока,
Потонули в ней годы, века.
Потонули в реке и мечты
Тех, что были сильнее, чем ты.

О, Христос! О, безумный ловец
Неожиданно темных сердец!
Ты не знал, над какою рекой
Ты стоял, чтоб восстать, как другой!

ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ

Когда тебя зовет Судьба,
Не думая иди,
С немой покорностью раба,
Не зная, что там впереди.
Иди, и ставши сам собой,

В тот вечно-страшный час, когда
Ты будешь скованным Судьбой,
Ты волен навсегда.

Мы все вращаемся во мгле
По замкнутым кругам,
Мы жаждем неба на земле,
И льнем как воды к берегам.
Но ты проникаешь в Океан,
Сверхчеловек среди людей,
Когда навек поймешь обман
Влечений и страстей.

Мы все живем, мы все хотим,
И все волнует нас,
Но Солнцем вечно-молодым
Исполнен только высший час.
Тот час, когда, отбросив прочь
Отцовский выцветшей наряд,
Мы вдруг порвем земную ночь,
И вдруг зажжем свой взгляд.

ДЕМОНЫ

Нужно презирать демонов,
как презирают палачей.
Мальбрани

Вас презирать, о, демоны мои?
Вы предо мной встаете в забыты,
И в сумраке, мой странный сон лелея,
Вещаете душе о царстве Змея.

И вижу я, как ходят палачи.
Таинственно кровавятся лучи
Какого-то внемирного светила,
И то, что есть, встает над тем, что было.

И слышу я: «Он много в мир вложил,
«От века Богу брат, Сатанаил.
И в Вечности качаются две чаши
Одних весов: они – его и наши».

И зов звучит: «Да снидет в землю вновь
Рожденная для красной сказки кровь.
В земле земное вспыхнет в новой краске,
Вокруг конца горят слова-завязки».

Я слышу вас, о, демоны мои,

Мечтатели о лучшем бытии,
Блюстители гармонии надзвездной,
Удвоенной мучительною бездной.

* * *

Еще необходимо любить и убивать,
Еще необходимо накладывать печать,
Быть внешним и жестоким, быть нежным без конца,
И всех манить волнением красивого лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
Мы все стремимся к Богу, мы тянемся к Нему,
Но Бог всегда уходит, всегда к Себе маня,
И хочет тьмы – за светом, и после ночи – дня.

Всегда разнообразных, Он хочет новых снов,
Хотя бы безобразных, мучительных миров,
Но только полных жизни, бросающих свой крик,
И гаснущих покорно, создавши новый миг.

И маятник всемирный, незримый для очей,
Ведет по лабиринту рассветов и ночей.
И сонмы звезд несутся по страшному пути.
И Бог всегда уходит. И мы должны идти.

ИСКАТЕЛИ

Они стучали в дверь поочередно.
Стучали долго. Ночь была темна.
С небесной выси тускло и бесплодно
Глядела вниз всегдашняя Луна.

Молчало время. Ночь не проходила.
На всем была недвижности печать.
И вот рука поднятая застыла,
Уставши в дверь безмолвную стучать.

Бесчувственное каменное зданье
Бросало тень с огромной вышины.
Незримые, но верные страданья
Носились в царстве мертвой тишины.

И все темней, все глуше, холоднее
Казалась дверь, закрытая навек.
И дрогнули два странника, – бледнея,

Как дым над гладью спящих ночью рек.

И время усмехнулось их бессилью.
И двинулось. Прошли года. Века.
Их внешней вид давно кружится пылью.
Но светит их бессмертная тоска!

ПРЕД ИТАЛЬЯНСКИМИ ПРИМИТИВАМИ

Как же должны быть наивно-надменны
Эти плененные верой своей!
Помнишь, они говорят: «Неизменны
Наши пути за пределами дней!»

Помнишь, они говорят: «До свиданья,
Брат во Христе! До свиданья – в Раю!»
Я только знаю бездонность страданья,
Ждущего темную душу мою.

Помнишь? Луга, невысокие горы,
Низко над ними висят небеса,
Чистеньких рощиц мелькают узоры,
Это, конечно, не наши леса.

Видишь тот край, где отсутствуют грозы?
Здесь пребывает святой Иероним,
Льва исцелил он от острой занозы,
Сделал служителем верным своим.

Львы к ним являлись просить врачеванья!
Брат мой, как я, истомленный во мгле,
Где же достать нам с тобой упованья
На измененной Земле?

ФРА АНДЖЕЛИКО

Если б эта детская душа
Нашим грешным миром овладела,
Мы совсем утратили бы тело,
Мы бы, точно тени, чуть дыша,
Встали у небесного предела.

Там,верху, сидел бы добрый Бог,
Здесь,внизу, послушными рядами,
Призраки с пресветлыми чертами,
Пели бы воздушную, как вздох,

Песню бестелесными устами.

Вечно примиренные с Судьбой,
Чуждые навек заботам хмурным,
Были бы мы озером лазурным,
В бездне безмятежно-голубой,
В царстве золотистом и безбурном.

РИБЕЙРА

Ты не был знаком с ароматом
Кругом расцветавших цветов.
Жестокий и мрачный анатом,
Ты жаждал разъятъя основ.

Поняв убедительность муки,
Ее затаил ты в крови,
Любя искаженные руки,
Как любят лобзанья в любви.

Ты выразил ужас неволи,
И бросил в беззвездный предел
Кошмары, исполненных боли,
Тобою разорванных тел.

Сказав нам, что ужасы пыток
В созданных мечты хороши,
Ты ярко явил нам избыток
И бешенство мощной души.

И тьмою, как чарой, владея,
Ты мрак приобщил к Красоте,
Ты брат своего Прометея,
Который всегда в темноте.

ВЕЛАСКЕС

Веласкес, Веласкес, единственный гений,
Сумевшей таинственным сделать простое,
Как властно над сонмом твоих сновидений
Безмолвствует Солнце, всегда молодое!
С каким униженьем, и с болью, и в страхе,
Тобою – бессмертные, смотрят шуты,
Как странно белеют согбенные пряжи
В величье рабочей своей красоты!

И этот Распятый, над всеми Христами
Вознесшийся телом утонченно-бледным,
И длинные копья, что встали рядами
Над бранным героем, смиренно-победным!
 И эти инфанты, с Филиппом Четвертым,
 Так чувственно-ярким поэтом-царем,
 Во всем этом блеске, для нас распростертом,
 Мы пыль золотую, как пчелы, берем!

Мы черпаем силу для наших созданий
В живом роднике, не иссякшем доныне,
И в силе рожденных тобой очертаний
Приветствуем пышный оазис в пустыне.
 Мы так и не знаем, какую же властью
 Ты был – и оазис, и вместе мираж, –
 Судьбой ли, мечтой ли, умом, или страстью,
 Ты вечно – прошедший, грядущий, и наш!

СКОРБЬ АГУРАМАЗДЫ

Мотив из Зенд-Авесты

Я царственный создатель многих стран,
Я светлый бог миров, Агурамазда.
Зачем же лик мой тьмою повторен,
И Анграмайни встал противовесом?
Я создал земли, полные расцвета,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
Родил змею в воде, и в землях зиму.
И десять зим в году, и два лишь лета,
И холодеют воды и деревья,
И худший бич, зима, лежит на всем.
Я создал Сугдху, мирные равнины,
Но Анграмайни создал саранчу,
И смерть пришла на хлеб и на животных.
И я, Агурамазда, создал Маргу,
Чтоб в ней царили дни труда и счастья,
Но Анграмайни создал зло и грех.
И создал я Нисайю, что за Бахдги,
Чтоб не было в людских сердцах сомненья,
Но Анграмайни веру умертвил.
Я создал Урву, пышность тучных пастбищ,
Но Анграмайни гордость людям дал.
Я создал красоту Гараваити,
Но Анграмайни выстроил гроба.
И создал я оплот, святую Кахру,
Но Анграмайни трупы есть велел,
И люди стали есть убитых ими.
И я, Агурамазда, создал много

Других прекрасных стран, Гаэтуманту,
Варэну, и Рангха, и Семиречье,
Но Анграмайни, тот, кто весь есть смерть,
На все набросил зиму, зиму, зиму.
И много стран глубоких и прекрасных,
Томясь без света, ждут моих лучей,
И я, Агурамазда, создал солнце,
Но Анграмайни, темный, создал ночь.

ВЕЛИКОЕ НИЧТО

1

Моя душа – глухой всебожный храм,
Там дышат тени, смутно нарастая.
Отраднее всего моим мечтам
Прекрасные чудовища Китая.
Дракон, владыка солнца и весны,
Единорог, эмблема совершенства,
И феникс, образ царственной жены,
Слиянье власти, блеска, и блаженства.
Люблю однообразную мечту
В созданиях художников Китая,
Застывшую, как иней, красоту,
Как иней снов, что искрится не тая.
Симметрия – их основной закон,
Они рисуют даль как восхождение,
И сладко мне, что страшный их дракон
Не адский дух, а символ наслаждения.
А дивная утонченность тонов,
Дробящихся в различии согласном,
Проникновенье в таинство основ,
Лазурь в лазури, красное на красном!
А равнодушие к образу людей,
Пристрастие к разновидностям звериным,
Сплетенье в строгий узел всех страстей,
Огонь ума, скользящий по картинам!
Но более, чем это все, у них,
Люблю пробел лирического зноя.
Люблю постичь, сквозь легкий нежный стих,
Безбрежное отчаянье покоя.

2

К старинным манускриптам, в поздний час,
Почувствовав обычное призванье,
Я рылся между свитков, и как раз
Чванг-Санга прочитал повествованье.

Там смутный кто-то, я не знаю кто,
Ронял слова печали и забвенья:
«Бесчувственно Великое Ничто,
В нем я и ты – мелькаем на мгновенье.
Проходит Ночь, и в роще дышит свет,
Две птички, тесно сжавшись, спали рядом,
Но с блеском Дня той дружбы больше нет,
И каждая летит к своим усладам.
За тьмою – жизнь, за холодом – апрель,
И снова темный холод ожидания.
Я разобью певучую свирель,
Иду на Запад, умерли мечтанья.
Бесчувственно Великое Ничто,
Земля и Небо – свод немого храма.
Я тихо сплю – я тот же и никто,
Моя душа – воздушность фимиама».

НАМЕК

Сгибаясь, качаясь, исполнен немой осторожности,
В подводной прохладе, утонченный ждущий намек,
Вздывается стебель, таящий блаженство возможности,
Хранящий способность раскрыться, как белый цветок.

И так же, как стебель зеленый блистательной лилии,
Меняясь в холодном забвеньи, легенды веков, –
В моих песнопеньях, – уставши тянуться в бессилии, –
Раскрылись, как чаши свободно-живущих цветков.

ТРИ ЛЕГЕНДЫ

Есть лишь три легенды сказочных веков.
Смысл их вечно-старый, точно утро нов.

И одна легенда, блеск лучей дробя,
Говорит: «О, смертный! Полюби себя».

И другая, в свете страсти без страстей,
Говорит: «О, смертный! Полюби людей».

И вещает третья, нежно, точно вздох:
«Полюби бессмертье. Вечен только Бог».

Есть лишь три преддверья. Нужно все пройти.
О, скорей, скорее! Торопись в пути.

В храме снов бессмертных дышит нежный свет,
Есть всему разгадка, есть на все ответ.

Не забудь же сердцем, и сдержи свой вздох:
Ярко только Солнце, вечен только Бог!

* * *

Верьте мне, обманутые люди,
Я, как вы, ходил по всем путям.
Наша жизнь есть чудо в вечном Чуде,
Наша жизнь – и здесь, и вечно там.

Я знаком с безмерностью страданий,
Я узнал, где правда, где обман.
Яркий ужас наших испытаний
Нам не для насмешки плоской дан.

Верьте мне, неверящие братья,
Вы меня поймете через день.
Нашей вольной жизни нет проклятья,
Мы избрали сами светотень.

Мы избрали Зло как путь познания,
И законом сделали борьбу.
Уходя в тяжелое изгнание,
Мы живем, чтоб кончить жизнь в гробу.

Но, когда с застывшими чертами,
Мертвые, торжественно мы спим,
Он, Незримый, дышит рядом с нами,
И, молясь, беседуем мы с Ним.

И душе таинственно понятно,
В этот миг беседы роковой,
Что в пути, пройденном безвозвратно,
Рок ее был выбран ей самой.

Но, стремясь, греша, страдая, плача,
Дух наш вольный был всегда храним.
Жизнь была решенная задача,
Смерть пришла как радость встречи с Ним.

ХУДОЖНИК-ДЬЯВОЛ

БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИК

Меж древних гор жил сказочный старик,
Безумием объятый необычным.
Он был богач, поэт – и часовщик.

Он был богат во многом и в различном,
Владел землей, морями, сонмом гор,
Ветрами, даже небом безграничным.

Он был поэт, и сочитал в узор
Незримые безгласные созданья,
В чьих обликах был красноречьем – взор.

Шли годы вне разлада, вне страданья,
Он был бы лишь поэтом навсегда,
Но возымел безумное мечтанье.

Слова он разделил на нет и да,
Он бросил чувства в область раздвоенья,
И дня и ночи встала череда.

А чтоб вернее было их значенье,
Чтобы означить след их полосы,
Их двойственность, их смену, и теченье, –

Поэт безумный выдумал часы,
Их дикий строй снабдил он голосами:
Одни из них пленительной красы, –

Поют, звенят; другие воют псами;
Смеются; говорят; кричат, скорбя.
Так весь свой дом увесил он часами.

И вечность звуком времени дробя,
Часы идут путем круговращенья,
Не уставая повторять себя,

Но сам создав их голос как внушенья,
Безумный часовщик с теченьем лет
Стал чувствовать к их речи отвращенье.

В его дворце молчанья больше нет,
Часы кричат, хохочут, шепчут смутно,
И на мечту, звеня, кладут запрет.

Их стрелки, уходя ежеминутно,
Меняют свет на тень, и день на ночь,

И все клянут, и все клянут попутно.

Не в силах отвращения превозмочь,
Безумный часовщик, в припадке гнева,
Решил прогнать созвучья эти прочь, –

Лишить часы их дикого напева:
И вот, раскрыв их внутренний состав,
Он вертит цепь направо и налево.

Но строй ли изменился в них и сплав,
Иль с ними приключилось чарованье,
Они явили самый дерзкий нрав, –

И подняли такое завыванье,
И начали так яростно звенеть,
Что часовщик забыл негодованье, –

И слыша проклинаящую медь,
Как трупами испуганный анатом,
От ужаса лишь мог закаменеть.

А между тем часы, гудя набатом,
Все громче хаос воплей громоздят,
И каждый звук – неустрашимый атом.

Им вторят горы, море, пленный ад,
И ветры, напоенные проклятьем,
В пространствах снов кружат, кружат, кружат.

Рожденные чудовищным зачатьем,
Меж древних гор мнутуются нет и да,
Враждебные, слились одним объятьем, –

И больше не умолкнут никогда.

ХУДОЖНИК

Я не был никогда такой, как все.
Я в самом детстве был уже бродяга,
Не мог застыть на узкой полосе.

Красив лишь тот, в ком дерзкая отвага,
И кто умен, хотя бы ум его –
Ум Ричарда, Мефисто, или Яго.

Все в этом мире тускло и мертво,
Но ярко себялюбье без зазренья:
Не видеть за собою – никого!

Я силен жестким холодом презренья,
В пылу страстей я правлю их игрой,
Под веденьем ума – все поле зренья.

Людишки – мошки, славный пестрый рой,
Лови себе светлянок для забавы,
На лад себя возвышенный настрой.

Люби любовь, лазурь, цветы, и травы,
А если истощишь восторг до дна,
Есть хохот с верным действием отравы.

Лети-ка прочь, ты в мире не одна,
Противна мне банальность повторений,
Моя душа для жажды создана.

Не для меня законы, раз я гений.
Тебя я видел, так на что мне ты?
Для творчества мне нужно впечатлений.

Я знаю только прихоти мечты,
Я все предаю для счастья созиданья
Роскошных измышлений красоты.

Мне нравится, что в мире есть страданья,
Я их сплетаю в сказочный узор,
Влагаю в сны чужие трепетанья.

Обманы, сумасшествие, позор,
Безумный ужас – все мне видеть сладко,
Я в пышный смерч свиваю пыльный сор.

Смеюсь над детски-женским словом – гадко,
Во мне живет злорадство паука,
В моих глазах – жестокая загадка.

О, мудрость мирозданья глубока,
Прекрасен вид лучистой паутины,
И даже муха в ней светло-звонка.

Белейшие цветы растут из тины,
Червонней всех цветов на плахе кровь,
И смерть – сюжет прекрасный для картины.

Приди – умри – во мне воскреснешь вновь!

ДЫМЫ

В моем сознание – дымы дней сожженных,
Остывший чад страстей и слепоты.
Я посещал дома умалишенных, –

Мне близки их безумные мечты,
Я знаю облик наших заблуждений,
Достигнувших трагической черты.

Как цепкие побеги тех растений,
Что люди чужаждными зовут,
Я льнул к умам, исполненным видений.

Вкруг слабых я свивался в жесткий жгут,
Вкруг сильных вился с гибкостью змеиной,
Чтоб тайну их на свой повергнуть суд.

От змея не укрылся ни единый,
Я понял все, легко коснулся всех,
И мир возник законченной картиной.

Невинность, ярость, детство, смертный грех,
В немой мольбе ломаемые руки,
Протяжный стон, и чей-то тихий смех, –

Простор степей с кошмаром желтой скуки,
Оборыши отверженных племен.
Все внешние и внутренние муки, –

Весь дикий пляс под музыку времен,
Все радости – лишь ткани и узоры,
Чтоб скрыть один непреходящий сон.

На высшие я поднимался горы,
В глубокие спускался рудники,
Со мной дружили гении и воры.

Но я не исцелился от тоски,
Поняв, что неизбежно равноценны
И нивы, и бесплодные пески.

Куда ни кинься, мы повсюду пленны,
Все взвешено на сумрачных весах,
Творцы себя, мы вечны и мгновенны.

Мы звери – и зверьми внушенный страх,
Мы блески – и гасители пожара,
Мы факелы – и ветер мы впотьмах.

Но в нас всего сильней ночная чара:
Мы хвалим свет заката, и затем
Двенадцатого с башен ждем удара.

Создавши сонмы солнечных систем,
Мы смертью населили их планеты,
И сладко нам, что мрак-утайщик нем.

Во тьме полночной слиты все предметы.
Скорей на шабаш, к бешенству страстей.
Мы дьявольским сиянием одеты.

Мешок игральных шулерских костей,
Исполненные скрытого злорадства,
Колдуньи, с кликой демонов-людей,

Спешат найти убогое богатство
Бесплодных ласк, запретную мечту
Обедни черной, полной святотатства.

И звезды мира гаснут налету,
И тень весов качается незримо
На мировом таинственном посту.

Все взвешено и все неотвратимо.
Добро и зло – два лика тех же дум.
Виденье мира тонет в море дыма.

Во мгле пустынь свирепствует самум.

СНЫ

Мне снятся поразительные сны.
Они всегда с действительностью слиты,
Как в тающем аккорде две струны.

Те мысли, что давно душой забыты,
Как существа, встают передо мной,
И окна снов гирляндой их обвиты.

Они растут живою пеленой,
Чудовищно и страшно шевелятся,
Глядят – и вдруг их смоем, как волной.

Мгновенье мглы, и тени вновь теснятся.
Я в странном замке. Всюду тишина.
За дверью ждут, но дверь открыть боятся.

Не знаю, кто. Но знаю: тишь страшна.
И кто-то может каждый миг возникнуть,
Вот, белый, встал, глядит из-за окна.

И я хочу позвать кого-то, крикнуть,

Но все напрасно: голос мой погас.
Постой, я должен к ужасам привыкнуть.

Ведь он встает уже не первый раз.
Взглянул. Ушел. Какое облечение!
Но лучше в сад пойти. Который час?

На циферблате умерли мгновенья!
Недвижно все. Замкнута глухо дверь.
Я в царстве ледящего забвенья.

Нет «после», есть лишь мертвое «теперь».
Не знаю, как, но времени не стало.
И ночь молчит, как страшный черный зверь.

Вдруг потолок таинственного зала
Стал медленно вздыматься в высоту,
И принял вид небесного провала.

Все выше. Вот заходит за черту
Тех вышних звезд, где Рай порой мне снится,
Превысил их, и превзошел мечту.

Но нужно же ему остановиться!
И вот с верховной точки потолка
Какой-то блеск подвижный стал светиться: –

Два яркие и злые огонька.
И, дрогнув на воздушной тонкой нити,
Спускаться стало – тело паука.

Раздался чей-то резкий крик: «Глядите!»
И кто-то вторил в гуле голосов:
«Я говорил вам – зверя не будите».

Вдруг изо всех, залитых мглой, углов,
Как рой мышей, как змеи, смутно встали
Бесчисленные скопища голов.

А между тем с высот, из бледной дали,
Спускается чудовищный паук,
И взгляд его – как холод мертвой стали.

Куда бежать! Видений замкнут круг.
Мучительные лица вверху вздернув,
Они не разнимают сжатых рук.

И вдруг, – как шулер, карты передернув,
Сразит врага, – паук, скользнувши вниз,
Внезапно превратился в тяжкий жернов.

И мельничные брызги поднялись.

Все люди, сколько их ни есть на свете,
В водоворот чудовищный сплелись.

И точно эту влагу били плети,
Так много было бешенства кругом, –
Росли и рвались вновь узлы и сети.

Невидимым гонимы рычагом,
Стремительно неслись в водовороте
За другом друг, враждебный за врагом.

Как будто бы по собственной охоте,
Вкруг страшного носились колеса,
В загробно-бледной лунной позолоте.

Мяется белой пены полоса,
Утопленники тонут, пропадают,
А там, на дне – подводные леса.

Встают как тьма, безмолвно вырастают,
Оплоты, как гиганты, громоздят,
И ветви змеевидные сплетают.

Вверху, внизу, куда ни кинешь взгляд,
Густеют глыбы зелени ползущей,
Растут, и угрожающе молчат.

Меняются. Так вот он, мир грядущий,
Так это-то в себе скрывала тьма!
Безмерный город, грозный и гнетущий.

Неведомые высятся дома,
Уродливо тесна их вереница,
В них пляски, ужас, хохот, и чума.

Безглазые из окон смотрят лица,
Чудовища глядят с покатых крыш,
Безумный город, мертвая столица.

И вдруг, порвав мучительную тишь,
Я просыпаюсь, полный содроганий, –
И вижу убегающую мышь –

Последний призрак демонских влияний!

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТР

Я в кукольном театре. Предо мной,
Как тени от качающихся веток,

Исполненные прелестью двойной,

Меняются толпы марионеток.
Их каждый взгляд рассчитанно-правдив,
Их каждый шаг правдоподобно-меток.

Чувствительность проворством заменив,
Они полны немого обаянья,
Их *modus operandi** прозорлив.

Понявши все изящество молчанья,
Они играют в жизнь, в мечту, в любовь,
Без воплей, без стихов, и без вещанья,

Убитые, встают немедля вновь,
Так веселы и вместе с тем бездушны,
За родину не проливают кровь.

Художественным замыслам послушны,
Осуществляют формулы страстей,
К добру и злу, как боги, равнодушны.

Перед толпой зевающих людей,
Исполненных звериного веселья,
Смеется в каждой кукле чародей.

Любовь людей – отравленное зелье,
Стремленья их – верченье колеса,
Их мудрость – тошнотворное похмелье.

Их мнения – лай рассерженного пса,
Заразная их дружба истерична,
Узка земля их, низки небеса.

А здесь – как все удобно и прилично,
Какая в смене смыслов быстрота,
Как жизнь и смерть мелькают гармонично!

Но что всего важнее, как черта,
Достойная быть правилом навеки,
Вся цель их действий – только красота.

Свободные от тягостной опеки
Того, чему мы все подчинены,
Безмолвные они «сверхчеловеки».

В волшебном царстве мертвой тишины
Один лишь голос высшего решенья
Бесстрастно истолковывает сны.

Все зримое – игра воображенья,
Различность многогранности одной,

В несчетный раз – повторность отраженья.

Смущенное жестокой тишиной,
Которой нет начала, нет предела,
Сознание сны роняет пеленой.

Обман души, прикрытый тканью тела,
Картинный переменчивый туман,
Свободный жить – до грани передела.

Святой Антоний, Гамлет, Дон-Жуан,
Макбет, Ромео, Фауст – привиденья,
Которым всем удел единый дан: –

Пути страсти, мысли, заблужденья,
Изображать бесчисленность идей,
Калейдоскоп цветистого хотенья.

Святой, мудрец, безумец, и злодей,
Равно должны играть в пределах клетки,
И представлять животных и людей.

Для кукол – куклы, все – марионетки,
Театр в театре, сложный сон во сне,
Мы с Дьяволом и Роком – однолетки.

И что же? Он, глядящий в тишине,
На то, что создал он в усладу зренья,
Он счастлив? Он блаженствует вполне?

Он полон блеска, смеха, и презренья?

*способ действия (*лат.*)

НАВАЖДЕНИЕ

Когда я спал, ко мне явился Дьявол,
И говорит: «Я сделал все, что мог:
Искателем в морях безвестных плавал, –

Как пилигрим, в пустынях мял песок,
Ходил по тюрьмам, избам, и больницам,
Все выполнил – и мой окончен срок».

И мыслям как поющим внемля птицам,
Я спросил: «Ну, что же? Отыскал?»
Но был он как-то странно бледнолицым.

Из двух, друг в друга смотрящих, зеркал
Глядели тени комнаты застывшей,
Круг Месяца в окно из них сверкал.

И Дьявол, бледный облик свой склонивши,
Стоял как некий бог, и зеркала
Тот лик зажгли, двукратно повторивши.

Я чувствовал, что мгла кругом жила,
Во мне конец с началом были слиты,
И ночь была волнующе светла.

Вокруг окна, волшебюо перевиты,
Качались виноградные листы,
Под Месяцем как будто кем забыты.

Предавшись чарам этой красоты,
Какой-то мир увидел я впервые,
И говорю: «Ну, что же? Я и ты –

Все ты, да я, да ты: полуживые,
Мы тянемся, мы думаем, мы ждем.
Куда ж влекут нас цели роковые?»

И он сказал: «Назначенным путем,
Я проходил по царственным озерам,
Смотрел, как травы стынют подо льдом.

Я шел болотом, лугом, полем, бором,
Бросался диким коршуном со скал,
Вникал во все меняющимся взором».

И я спросил «Ну, что же? Отыскал?»
Но был он неизменно бледнолицым,
И дрогнул лик его меж двух зеркал.

Зарницы так ответственуют зарницам.
«Что ж дальше?» И ответил Дьявол мне:
«Я путь направил к сказочным столицам.

Там бледны все, там молятся Луне.
На всех телах там пышные одежды.
Кругом – вода. Волна поет волне.

Меж снов припоминаний и надежды,
Алеют и целуются уста,
Сжимаются от сладострастья вежды.

От века и до века – красота,
Волшебницы подобные тигрицам,
Там ласки, мысли, звуки, и цвета».

И предан снам, их стройным вереницам,
Воскликнул я: «Ну, что же, отыскал?»
Но Дьявол оставался бледнолицым!

Из двух, друг в друга смотрящих, зеркал
Глядели сонмы призраков сплетенных,
Как бы внезапно стихнувший кагал.

Все тот же образ, полный дум бессонных,
Дробился там, в зеркальности, на дне,
Меняясь в сочетаньях повторенных.

Сомнамбулы тянулись к вышине,
И каждый дух похож был на другого,
Все вместе стыла в лунном полусне.

И к Дьяволу я обратился снова,
В четвертый раз, и даже до семи:
«Что ж, отыскал?» Но он молчал сурово.

Умея обращаться со зверьми,
Я поманил царя мечты бессонной:
«Ты хочешь душу взять мою? Возьми».

Но он стоял как некий бог, склоненный,
И явственно увидел я, что он,
Весь белый, весь луною озаренный –

Был снизу черной тенью повторен.
Увидев этот ужас раздвоений,
Я простонал: «Уйди, хамелеон!

Уйди, бродяга, полный изменений,
Ты, между всех горящий блеском сил,
Бессильный от твоей сокрыться тени!»

И страх меня смертельный пробудил.

ХИМЕРЫ

Высоко на парижской Notre Dame
Красуются жестокие химеры.
Они умно уселись по местам.

В беспутстве соблюдая чувство меры,
И гнусность доведя до красоты,
Они могли бы нам являть примеры.

Лазурный фон небесной пустоты

Обогащен красою их несходства,
Господством в каждой – собственной черты.

Святых легко смешашь, а уродство
Всегда фигурно, личность в нем видна,
В нем явное пороков превосходство.

Но общность между ними есть одна:
Как крючья вопросительного знака,
У всех химер изогнута спина.

Скептически произрастенья мрака,
Шпионски-выжидательны они,
Как мародеры возле бивуака.

Не получив ответа искони,
И чуждые голубоглазья веры,
Сидят архитектурные слепни, –

Односторонне-зрячие химеры,
Задумались над крышами домов,
Как на море уродливые шхеры.

Вкруг Церкви, этой высшей из основ,
Враждебным станом выстроились зданья,
Берлоги тьмы, уют распутных снов, –

И Церковь, осудивши те мечтанья
Сердец, обросших грубой тканью мха,
Развратный хаос в мире созиданья, –

Где дышит ядом каждая кроха, –
Воздвигла слепо к мерзости звериной,
Зеркальный лик поклонников греха.

Но меж людей, быть может, я единый
В глубокий смысл чудовищ тех проник,
Всегда иное чуя за картиной.

Привет тебе, отшедший мой двойник,
Создатель этих двойственных видений,
Я в стих влагаю твой скульптурный крик.

Привет вам, сонмы страшных заблуждений!
Ты – гений сводни, дух единорог,
Сподручник жадный ведьмовских радений.

Гермафродит, глядящий на порок,
Ты жабу давишь в пытке дум бессонных,
Весь мир ты развратил бы, если б мог.

Концы ушей, продленно-заостренных,

Стоят, как бы слышавши вдали
Протяжный гул тобою соблазненных.

Колдуний новых жабы привели.
Но ты уж слышишь ропот осужденья,
Для вас костры свирепые зажгли.

И ты, заклятый враг деторожденья,
Колдунья с птицей, демоны-враги,
Препоны для простого наслажденья!

Твое лицо – зловещий лик Яги,
Нагие десна алчны и беззубы,
Твоя рука имеет вид ноги,

Твои черты безжалостные грубы,
Застыли пряди каменных волос,
Не знали поцелуев эти губы, –

Не ведали глаза химеры слез,
И шерстью, точно сорною травой,
Твой хищный стан уродливо оброс.

Как вестник твой, крича, перед тобою
Стервятник омерзительный сидит,
Покрытый вместо перьев чешуею.

В его когтях какой-то зверь хрустит,
Но как ни гнусен вестник твой ужасный,
Ты более чудовищна на вид.

И оба вы судьбе своей подвластны,
Одна мечта на вас наводит лоск,
Единый гений, жесткий и бесстрастный.

Как сжат печатью вдавленной воск,
Так лоб у вас, наклонно убегая,
К убийству дух направил, сжавши мозг.

И ты еще, уродина другая,
Орангутанг и жалкий идиот,
Ты скорчился, в тоске изнемогая.

Убогий демон, выродок, и скот,
Герой мечты безумного Эдгара,
Зачатой в этом мире в черный год.

В тебе инстинкт горел огнем пожара,
И ты двух женщин подло умертвил,
Но в цвете крови странная есть чара.

Тебя нежданный ужас подавил,

И ты бежал на этот Дом Видений,
Беспомощный палач, лишенный сил.

Вы, дьяволы любовных наслаждений,
Как много в вас отверженной мечты.
Один как ангел, с крыльями... О, гений!

Зачем в беспутном пире срамоты,
Для сладости обманчивого часа,
Принизился до мелких тварей ты!

Твое лицо – бесстыдная гримаса,
Ты нагло манишь, высунув язык, –
Усталых ласк приправа и прикраса.

Ты знаешь, как продлить тягучий миг,
Ты, с холеными женскими руками,
Любовь умом обманывать привык.

Другой наглец, с кошачьими зрачками,
Над Городом Безумия склоняясь,
Всем обликом хохочет над врагами.

Он гибок, сладострастен, и как раз
В объятье насмерть с хохотом удавит,
Как змей вокруг тела нежного виясь.

Еще другой, всего превыше ставит
Блаженство в щель чужую заглянуть,
Глядит, дрожит, и грязный рот слюнявит.

Еще, с лицом козла, ввалилась грудь,
Глаза глубоко всажены в орбиты,
Сумел он весь в распутстве потонуть.

Вы разны все, и все вы стройно слиты,
Вы все незримой сетью сплетены,
Равно в семье единой имениты.

Но всех прекрасней в свите Сатаны,
Слияние ума и лицемерья,
Волшебный образ некоей жены.

Она венец и вместе с тем преддверье,
Карикатура ей изжитых дум,
Крылатый коршун, выщипавший перья.

В замену чувств у ней остался ум,
Она ханжа в отшельнической рясе,
Иссохший монастырский толстосум.

Застывши в иронической гримасе,

Она как бы блюдет их всех кругом.
Ирония прилична в свинопасе.

И все они венчают – Божий Дом!

ШАБАШ

В день четверга, излюбленный у нас,
Затем что это праздник всех могучих,
Мы собрались в предвозвещенный час.

Луна была сокрыта в дымных тучах,
Возросших как леса и города.
Все ждали тайн и ласк блаженно-жгучих.

Мы донесли по воздуху туда,
На кладбище, к уюту усыпленных,
Где люди днем лишь бродят иногда.

Толпы колдуний, жадных и влюбленных,
Ряды глядящих пристально людей,
Мы были сонмом духов исступленных.

Один, мудрейший в знании страстей,
Был ярче всех лицом своим прекрасным.
Он был наш царь, любовник всех, и Змей.

Там были свечи с пламенем неясным,
Одни с зеленовато-голубым,
Другие с бледно-желтым, третьи с красным.

И все они струили тонкий дым.
Кто подходил и им дышал мгновенье,
Тот становился тотчас молодым.

Там были пляски, игры, превращенья
Людей в животных, и зверей в людей,
Соединенных в счастья внушенья.

Под блеском тех изменчивых огней,
Напоминавших летнюю зарницу,
Сплетались члены сказочных теней.

Как будто кто вращал их вереницу,
И женщину всегда ласкал козел,
Мужчина обнимал всегда волчицу.

Таков закон, иначе – произвол,
Особый вид волнующей приправы,

Когда стремится к полу чуждый пол.

Но вот в сверканье свеч седые травы
Качнулись, пошатнулись, возросли,
Как души, сладкой полные отравы.

Неясный месяц выступил вдали
Из дрогнувшего на небе тумана,
И жабы в черных платьях приползли.

Давнишние созданья Аримана,
Они влекли колдуний молодых,
Еще не знавших сладостей дурмана.

Наш круг разъялся, принял их, затих,
И демоны к ним жадные припали,
Перевернув порядок членов их.

И месяц им светил из дымной дали,
И Змей наш устремил на них свой взгляд,
И мы от их блаженства трепетали.

Но вот свершен таинственный обряд,
И все колдуньи, в снах каких-то гневных,
«Давайте мертвых! Мертвых нам!» кричат.

Протяжностью заклятий перепевных,
Составленных из повседневных слов,
Но лишь не в сочетаньях ежедневных, —

Они смутили мирный сон гробов,
И из могил расторгнутых восстали
Гнилые трупы ветхих мертвецов.

Они сперва как будто выжидали,
Потом, качнувшись, быстро шли вперед,
И дьявольским сиянием блистали.

Раскрыв отживший, вдруг оживший, рот,
Как юноши, они к колдуньям льнули,
И всю толпу схватил водоворот.

Все хохоты в одном смешались гуле,
И сладостно казалось нам шептать
О тайнах смерти, в чувственном разгуле.

Отца ласкала дочь, и сына мать,
И тело к телу жаться было радо,
В различности искусства обнимать.

Но вот вдали, где кончилась ограда,
Раздался первый возглас петуха,

И мы спешим от гнили и распада, –
В блаженстве соучастия греха.

ПРОБУЖДЕНИЕ ВАМПИРА

Из всех картин, что создал я для мира,
Всего желанней сердцу моему
Картина – «Пробуждение Вампира».

Я, право, сам не знаю, почему.
Заветные ли в ней мои мечтанья?
Двойной ли смысл? Не знаю. Не пойму.

Во мгле полуразрушенного зданья,
Где умерло величье давних дней,
В углу лежит безумное созданье, –

Безумное в жестокости своей,
Бескровный облик с алыми губами,
Единый – из отверженных теней.

Меж демонов, как царь между рабами,
Красивый демон, в лунной полумгле,
Он спит, как спят сокрытые гробами.

И всюду сон и бледность на земле.
Как льдины, облака вверху застыли,
И лунный проблеск замер на скале.

Он спит, как странный сон отжившей были,
Как тот, кто знал всю роскошь красоты,
Как те, что где-то чем-то раньше жили.

Печалью искаженные черты
Изобличают жадность к возбужденьям,
Изношенность душевной пустоты.

Он все ж проснется к новым наслажденьям,
От полночи живет он до зари,
Среди страстей, неистовым виденьем.

Но первый луч есть приговор: «Умри».
И вот растет вторая часть картины.
Вторая часть: их всех, конечно, три.

На небе, как расторгнутые льдины,
Стоит гряда воздушных облаков.
Другое зданье. Пышные гардины.

Полураскрыт гранатовый альков.
Там женщина застыла в страстной муке,
И грудь ее – как белый пух снегов.

Откинута изогнутые руки,
Как будто милый жмет к ней во сне,
И сладко ей, и страшно ей разлуки.

А тот, кто снится, тут же в стороне,
Он тоже услажден своей любовью,
Но страшен он в глядящей тишине.

К ее груди прильнув, как к изголовью,
Он спит, блаженством страсти утомлен,
И рот его окрашен алой кровью.

Кто более из них двоих влюблен?
Один во сне увидел наслаждение,
Другой украл его – и усыплен.

И оба не предвидят пробужденья.
В лазури чуть бледнеют янтари.
Луна огромна в далях нисхожденья.

Еще не вспыхнул первый луч зари.
Завершена вторая часть картины.
Вампир не знал, что всех их будет три.

На небесах, как тающие льдины,
Бегут толпы разъятых облаков,
У окон бьются нити паутины.

Но окна сперты тяжестью оков,
Бесстыдный день царит в покоях зданья,
И весь горит гранатовый альков.

Охвачена порывом трепетанья,
Та, чья мечта была роскошный пир,
Проснулась для безмерного страданья.

Ее любил, ее ласкал – вампир.
А он, согбенный, с жадными губами,
Какой он новый вдруг увидел мир!

Обманутый пленительными снами,
Он не успел исчезнуть в должный миг,
Чтоб ждать, до срока, тенью меж тенями.

Заснувший дух проснулся как старик.
Отчаяньем захваченный мгновенным,
Не в силах удержать он резкий крик.

Он жить хотел вовеки неизменным,
И вдруг утратил силу прежних чар,
И вдруг себя навек увидел пленным, –

Увидев яркий солнечный пожар!

ГОРОДА МОЛЧАНЬЯ

В одной из стран, где нет ни дня, ни ночи,
Где ночь и день смешались навсегда,
Где миг длинней, но век существ короче.

Там небо – как вечерняя вода,
Безжизненно, воздушно, безучастно,
В стране, где спят немые города.

Там все в своих отдельностях согласно,
Глухие башни дремлют в вышине,
И тени-люди движутся безгласно.

Там все живут и чувствуют во сне,
Стоят, сидят с закрытыми глазами,
Проходят в беспредельной тишине.

Узоры крыш немymi голосами
О чем-то позабытом говорят,
Роса мерцает бледными слезами.

Седые травы блеском их горят,
И темные деревья, холодея,
Раскинулись в неумолимый ряд.

От города до города, желтея,
Идут пути, и стройные стволы
Стоят, как бы простором их владея.

Все сковано в застывшем царстве мглы,
Печальной сказкой выстроились зданья,
Как западни – их темные углы.

В стране, где спят восторги и страданья,
Бывает праздник жертвы раз в году,
Без слов, как здесь вне слова все мечтанья.

Чтоб отвратить жестокою беду,
Чтобы отвергнуть ужас пробужденья,
Чтоб быть, как прежде, в мертвенном чаду.

На ровном поле, где сошлись владенья
Различно-спящих мирных городов,
Растут толпою люди-привиденья.

Они встают безбрежностью голов,
С поникшими, как травы, волосами,
И мысленный как будто слышат зов.

Они глядят – закрытыми глазами,
Сквозь тонкую преграду бледных век.
Ждет – избранный немymi голосами.

И вот выходит демон-человек,
Взмахнул над изумленным глыбой стали,
И голову безгласную отсек.

И тени головами закачали.
Семь темных духов к трупy подошли,
И кровь его в кадилъницы собрали.

И вдоль путей, лоснящихся в пыли,
Забывшие о пытке яркой боли,
Виденья сонмы дымных свеч зажгли.

Семь темных духов ходят в темном поле,
Кадилъницами черными кропят,
Во имя снов, молчанья, и неволи.

Деревья смотрят, выстроившись в ряд.
На целый год заклъты сновиденья,
Вкруг жертвы их – светильники горят.

Потухли. Отдалилось пробужденье.
Свои глаза сомкнувши навсегда,
Проходят молча люди-привиденья.

В стране, где спят немые города.

ОСУЖДЕННЫЕ

Он каждый день приходит к нам в тюрьму,
В тот час, когда, достигнув до зенита,
Ликует Солнце, предвкушая тьму.

В его глазах вопросов столько слито,
Что, в них взглянув, невольно мы дрожим,
И помним то, что было позабыто.

Он смотрит как печальный серафим,

Он говорит бескровными устами,
И мы как осужденные пред ним.

Он говорит: «Вы были в стройном храме,
Там сонмы ликов пели в светлой мгле,
И в окнах Солнце искрилось над вами.

Вы были как в спокойном корабле,
Который тихо плыл к стране родимой,
Зачем же изменили вы земле?

Разрушив храм, в тоске неукротимой,
Меня направленья корабля,
Вы плыли, плыли к точке еле зримой, –

Как буравом равнину вод сверля.
Но глубь, сверкнув, росла водоворотом,
И точка не вставала как земля.

Все к новым бедам, поискам, заботам
Она вела вас беглым огоньком,
И смерть была за каждым поворотом.

Ваш ум жестоким был для вас врагом.
Он вас завлек в безмерные пустыни,
Где всюду только пропасти кругом.

Вот почему вы прокляты отныне,
Среди высоких плотных этих стен,
С душою, полной мрака и гордыни.

Века веков продлится этот плен.
Припомните, как вы в тюрьму попали,
Искатели великих перемен».

И мы, как раздробленные скрижали,
Свой смысл утратив, бледные, в пыли,
Пред ним скорбим, и нет конца печали.

Он снова речь ведет, – как бы вдали,
Хотя пред нами взор его блестящий,
В котором все созвездья свет зажгли.

Он говорит: «Вы помните, все чаще
Вам скучно становилось между вод,
И смутно от дороги предстоящей.

Но раз попали вы в водоворот,
Вам нужно было все вперед стремиться,
И так свершать круги из года в год.

О, мука – в беспредельности кружиться,

Кончать, чтоб вновь к началу приходить,
Желать, и никогда не насытиться!

Все ж в самой жажде – вам была хоть нить,
Был хоть намек на сладость обладанья,
Любовь была – в желании любить.

Но в повторенье гаснут все мечтанья,
И как ни жди, но, если тщетно ждешь,
Есть роковой предел для ожиданья.

Искать светил, и видеть только ложь,
Носить в душе роскошный мир созвучий,
И знать, что в яви к ним не подойдешь.

У вас в душе свинцом нависли тучи,
И стал ваш лозунг – Больше Никогда,
И даль закрылась пеною летучей.

Куда ни глянешь – зыбкая вода,
Куда ни ступишь – скрытое теченье,
Вот почему вы мертвы навсегда».

И вспомнив наши прежние мученья,
Мы ждем, чтоб наш казнитель и судья
Дал внешнее для них обозначенье.

Он говорит: «В пустынях бытия
Вы были – ум до времени усталый,
Не до конца лукавая змея.

И демоны вас бросили на скалы,
И ввергли вас в высокую тюрьму,
Где только кровь как мак блистает алый, –

А все другое слито в полутьму,
Где, скукою объаты равнодушной,
Вы молитесь убийству одному.

Молитесь же!» И наш палач воздушный,
Вдруг изменяя свой небесный вид,
Встает как Дьявол, бледный и бездушный, –

Того, другого между вас разит,
Лишь манием руки, лишь острым взглядом,
И алый мак цветет, горит, грозит.

И мы, на миг живые – с трупом рядом,
Дрожим, сознав, что мы осуждены,
За то, что, бросив Рай с безгрешным садом,

Змеиные не полюбили сны.

ЧЕРНЫЙ И БЕЛЫЙ

Шумящий день умчался к дням отшедшим.
И снова ночь. Который в мире раз?
Не думай – или станешь сумасшедшим.

Я твой опять, я твой, полночный час.
О таинствах мы сговорились оба,
И нет того, кто б мог расторгнуть нас.

Подвластный дух, восстань скорей из гроба,
Раскрыв ресницы, снова их смежи,
Забудь, что нас разъединяла злоба.

Сплетенье страсти, замыслов, и лжи,
Покорное и хитрое созданье,
Скорей мне праздник чувства покажи.

О, что за боль в минуте ожидания!
О, что за блеск в расширенных зрачках!
Ко мне! Скорее! Ждут мои мечтанья!

И вот на запредельных берегах
Зажглись влиянья черной благодати,
И ты со мной, мой блеск, мой сон, мой страх.

Ты, incubus таинственных зачатий,
Ты, succubus, меняющий свой лик,
Ты, первый звук в моем глухом набате.

Поддай мне краски, верный мой двойник.
Вот так. Зажжем теперь большие свечи.
Побудь со мной. Диктуй свой тайный крик.

Ты наклоняешь девственные плечи.
Что ж написать? Ты говоришь: весну.
Весенний день и радость первой встречи.

Да, любят все. Любили в старину.
Наложим краски зелени победной,
Изобразим расцвет и тишину.

Но зелень трав глядит насмешкой бледной.
В ночных лучах скелетствует весна,
И закистью цветы мерцают медной.

Во все оттенки вторглась желтизна,
Могильной сказкой смотрит сон мгновенья,

Он – бледный труп, и бледный труп – она.

Но не в любви единой откровенье,
Изобразим убийство и мечту,
Багряность маков, алый блеск забвенья.

Захватим сновиденья налету,
Замкнем их в наши белые полотна,
Войну как сон, и сон как красоту.

Но красный цвет нам служит неохотно,
Встают цветы, красивые на вид,
Ложатся трупы, так правдиво-плотно, –

Но вспыхнет день, и вас разоблачит,
Осенний желтоцвет вольется в алость
И прочь жизнеподобие умчит.

На всем мелькнет убогая усталость,
В оттенках – полуглупый смех шута,
В движеньях – неумелость, запоздалость.

Во всем нам изменяет красота,
Везде мы попадаем в паутину,
Мы поздние, в чьем сердце – пустота.

Отбросим же фальшивую картину,
Неверны мы друг другу навсегда,
Как в разоренье слуги господину.

Мой succubus, что ж делать нам тогда?
Теперь-то и подвластны нам стихии,
Земля, огонь, и воздух, и вода.

Мы поняли запреты роковые,
Так вступим в царство верных двух тонов.
Нам черный с белым – вестники живые.

И днем и ночью – в них правдивость снов,
В одном – всех красок скрытое убранство,
В другом – вся отрешенность от цветов.

Как странно их немое постоянство,
Как рвутся черно-белые цветы,
Отсюда – в междузвездное пространство.

Там дышит идеальность черноты,
Здесь – втайне – блеск оттенков беспредельных,
И слышен гимн двух гениев мечты:

«Как жадным душам двух врагов смертельных,
Как любящим, в чьем сердце глубина,

Как бешенству двух линий параллельных, –
Для встречи бесконечность нам нужна».

ВЕЧЕРНИЙ ЧАС

Волшебный час вечерней тишины,
Исполненный невидимых внушений,
В моей душе расцветивает сны.

В вечерних водах много отражений,
В них дышит Солнце, ветви, облака,
Немые знаки зреющих решений.

А между тем широкая река
Стремит вперед свободное течение,
Своею скрытой жизнью глубока.

Минувшие незнания и мученья
Мерцают бледнолицею толпой,
И я к вам полон страстного влеченья.

Мне снится сумрак бледно-голубой,
Мне снятся дни невинности воздушной,
Когда я не был – для других – судьбой.

Теперь, толпою властвуя послушной,
Я для нее – палач и божество,
Картичность дум – в их смене равнодушной.

Но не всегда для сердца моего
Был так отвратен образ человека,
Не вечно сердце было так мертво.

Мыслитель, соблазнитель, и калека,
Я более не люблю людей,
Хотя бы прожил век Мельхиседека.

О, светлый май, с блаженством без страстей!
О, ландыши, с их свежестью истомной!
О, воздух утра, воздух-чародей!

Усадьба. Сад с беседкою укромной.
Безгрешные деревья и цветы.
Луна весны в лазури полутемной.

Все памятно. Но Гений Красоты
С Колдуньей Знания, страшные два духа,
Закляли сон младенческой мечты.

Колдунья Знанья, жадная старуха,
Дух Красоты, неуловимый змей,
Шептали что-то вкрадчиво и глухо.

И проклял я невинность первых дней,
И проходя уклонными путями,
Вкусил всего, чтоб все постичь ясней.

Миры, века – насыщены страстями.
Ты хочешь быть бессмертным, мировым?
Промчись, как гром, с пожаром и с дождями.

Восторжествуй над мертвым и живым,
Люби себя – бездонно, ненасытно,
Пусть будет символ твой – огонь и дым.

В борьбе стихий содружество их слитно.
Соедини их двойственность в себе,
И будет тень твоя в веках гранитна.

Поняв Судьбу, я равен стал Судьбе,
В моей душе равны лучи и тени,
И я молюсь – покою и борьбе.

Но все ж балкон и ветхие ступени
Милее мне, чем пышность гордых снов,
И я миры отдам за куст сирени.

Порой – порой! – весь мир так свеж и нов,
И все влечет, все близко без изъятья,
И свист стрижей, и звон колоколов, –

По кой могил, незримые зачатя,
Печальный свет слабеющих лучей,
Правдивость слов молитвы и проклятья, –

О, все поет и блещет как ручей,
И сладко знать, что ты как звон мгновенья,
Что ты живешь, но ты ничей, ничей.

Объятый безымерностью забвенья,
Ты святость и преступность победил,
В блаженстве мирового единенья.

Туман лугов, как тихий дым кадил,
Встает хвалой гармонии безбрежной,
И смыслы слов ясней в словах светил.

Какой восторг – вернуться к грусти нежной,
Скорбеть, как полусломанный цветок,
В сознании печали безнадежной.

Я счастлив, грустен, светел, одинок,
Я тень в воде, отброшенная ивой,
Я целен весь, иным я быть не мог.

Не так ли предок мой вольнолюбивый,
Ниспавший светоч ангельских систем,
Проникся вдруг печальностью красивой, –

Когда, войдя лукавостью в Эдем,
Он поразился блеском мироздания,
И замер, светел, холоден, и нем.

О, свет вечерний! Позднее страданье!

КАМЕНЬ СКАЛ

Как выступы седых прибрежных скал
Источены повторностью прилива,
Что столько раз враждебно набегал, –

В моей душе, где было все красиво,
Изменены заветные черты,
В ней многое как бы ответно криво.

Из царства вневременной темноты
К нам рвутся извращенные мечтанья,
Во всем величье дикой наготы.

Побыть в стихийной вспышке возрастанья,
Глядеть, как пенно высится вода,
Понять, что хаос – утро мироздания!

Быть может, не вернется никогда
Вот эта радость дум о необычном,
Хоть ропот волн о них поет всегда.

И сладко встать высоко над привычным,
Соделаться – велением Судьбы –
К своей судьбе стихийно-безразличным.

Но что мы можем, бледные рабы!
Набег страстей шатнулся, отступает,
Как войско, вняв отбойный зов трубы.

Волна, достигши высшего, вскипает,
Меняет цвет зелено-голубой,
Ломается, блестит, и погибает.

Отпрянул неустойчивый прибой,
Бежит назад в безбрежные пустыни,
Чтоб в новый миг затеять новый бой.

И так же ветер, с первых дней донине
Таящийся в горах с их влажной тьмой,
На краткий миг бросает их твердыни, –

Промчит грозу равниною немой,
Случайно изумит людей циклоном,
И вновь спешит, к ущельям гор, домой.

А я иным покорствую законам,
По воле изменяться мне нельзя,
Я камень скал, с их вынужденным стоном.

Во мне блуждают отклики, скользя,
Недвижно я меняюсь, еле зримо,
А если двинусь – гибелью грозя.

Бледнеет все, бежит неудержимо,
Измены дней отпечатлели след,
Все тени мира здесь проходят мимо,

Но в смене волн для камня счастья нет.

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Закрыв глаза, я слушаю безгласно,
Как гаснет шум смолкающего дня,
В моей душе торжественно и ясно.

Последний свет закатного огня,
В окно входя цветною полосой,
Ласкательно баюкает меня.

Опустошенный творческой грозой,
Блаженно стынет нежащийся дух,
Как стебли трав, забытые косою.

Я весь преображаюсь в чуткий слух,
И внемлю чье-то дальнее рыданье,
И близкое ко мне жужжанье мух.

Я замер в сладкой дреме ожидания,
Вот-вот кругом сольется все в одно,
Я в музыке всемирного мечтанья.

Все то, что во Вселенной рождено,

Куда-то в пропасть мчится по уклонам,
Как мертвый камень падает на дно.

Один – светло смеясь, другой – со стоном,
Все падают, как звуки с тонких струн,
И мир объять красиво скорбным звоном.

Я вижу много дальних снежных лун,
Я вижу изумрудные планеты,
По их морям не пенится бурун.

На них иные призраки и светы.
И я в безмолвном счастье сознаю,
Что для меня не все созвучья спеты.

Я радуюсь иному бытию,
Гармонию планет воспринимаю,
И сам – в дворце души своей – пою.

Просторам звезд ни грани нет, ни краю.
Пространства звонов полны торжеством,
И, все поняв, я смыслы их впиваю.

Исходный луч в сплетенье мировом,
Мой разум слит с безбрежностью блаженства,
Поющего о мертвом и живом.

Да будут пытки! В этом совершенство.
Да будет боль стремлений без конца!
От рабства мглы – до яркого главенства!

Мы звенья вокруг созвездного кольца,
Прогалины среди ветвей сплетенных,
Мы светотень разумного лица.

Лучами наших снов освобожденных
Мы тянемся к безмерной Красоте
В морях сознания, звонких и бездонных.

Мы каждый миг – и те же и не те,
Великая расторгнута завеса,
Мы быстро мчимся к сказочной черте, –

Как наши звезды к звездам Геркулеса.

Сформатовано на <http://rusilverage.blogspot.com/>